Плата за одиночество

Автор:
Бронислава Вонсович

Плата за одиночество

Бронислава Антоновна Вонсович

Колдовские тайныКоролевства Рикайна

Казалось, юную Штефани ждет судьба всех, кто выходит из Королевского приюта, – место на ткацкой фабрике и клетушка в бараке. Магического Дара мало, умений никаких, помощи ждать не от кого. Неожиданно ей улыбнулась удача. Работа в магазине элитной косметики – это ли не счастье для сироты? Хорошая зарплата, отзывчивая нанимательница, уютная квартира и красивые наряды. Но удача ли? В магазине происходит что-то непонятное. Странные разговоры, которые ведут хозяйка и ее компаньон. Странные заказы, от которых падаешь в обморок. Странное исчезновение предшественницы. Странное предложение руки и сердца от поставщика зелий. И страшное убийство напарницы. А убийца – один из тех, кто сейчас рядом. Но как понять, кто именно?

Бронислава Вонсович

Плата за одиночество

© Вонсович Б., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Сколько я себя помнила, кровати с Региной у нас всегда стояли впритык. И столько же длилась наша дружба. Казалось, так будет вечно – мое законное место в Королевском приюте для девочек и подруга рядом. Но все меняется, когда приходит оно – совершеннолетие. У нас, в Гарме, оно наступает в восемнадцать, с этого возраста приютское место переставало быть моим, и мне надлежало искать что-то в большом и страшном внешнем мире. Если бы мой Дар был чуть сильнее, то я могла бы уже год учиться в Магической Академии, там предоставляют стипендию и общежитие. Но его было недостаточно, о чем я совершенно не жалела – у подруги способностей к магии было еще меньше, а значит, и поступить со мной она никак не могла.

Нельзя сказать, что бросали нас совсем на произвол судьбы. Девушки из приюта по проторенной дорожке шли на ткацкую фабрику, где предоставлялась не только работа, но и жилье за невысокую цену – клетушка в трехэтажном бараке. Крошечная, зато отдельная – больше всего в приюте меня угнетала невозможность побыть одной. Регина не в счет, мы с ней так хорошо понимали друг друга, что могли считаться одним целым. А вот остальные… Постоянно следящие за тем, что ты сказала и куда пошла, постоянно обсуждающие и обсасывающие любые, самые мелкие новости, они неимоверно меня раздражали. И ладно бы просто обсуждали, а то ведь норовили побежать с доносом к присматривающим за нами монахиням. «Сестра Тереза, Штефани Ройтер и Регина Беккер сидят с книгами за сараем, а ведь грядки сами не прополются!» «Сестра Магдалена, Регина Беккер болтает через забор с подозрительным парнем!» «Сестра Катарина, Штефани Ройтер опять любовную записку через забор перекинули. Вот она!» И смотрят такими проникновенно-собачьими глазами, как будто косточку сахарную выпрашивают за хорошее поведение. Доносы у нас поощрялись, за них давали послабления в ежедневных заданиях, а иной раз – дополнительную порцию сладкого. Забранную, кстати, у того, на кого донесли. Сладкое нам доставалось редко, и тем горше была его потеря. Мы с Региной обычно делили порцию на двоих, если кого-то из нас наказывали, но чаще все же наказывали обеих, потому что мы были все время вместе. Но вскоре должны были закончиться и наши нарушения, и наши наказания – жить в этом месте мне оставалось два дня, не считая этого. Мне исполнялось восемнадцать, во всяком случае, эта дата записана в моих документах как день моего рождения, а точно ведь его без привлечения магов не определишь. Увы, слабым магам это было не под силу, крупные привлекаться не желали, поэтому дата записывалась приблизительно – как показалось сестре, нашедшей поутру

младенца перед дверями приюта, так и будет указано во всех документах воспитанницы. С девочками, которые попадали в более позднем возрасте, все было еще грустнее – подозреваю, что ошибка там могла составлять год, а то и больше. Впрочем, кого это волновало? Приютских работников – точно нет. Называли найденышей тоже, как захочется. Меня всегда радовало, что мне досталось имя Штефани, а не что-нибудь вроде Фердинанда или Геновефа. Монахини больше заглядывали в жития святых, чем думали о том, что придется бедной девочке всю жизнь откликаться на такое ужасное имя.

– Штеффи, мне кажется, тебе соглашаться надо, – прошептала Регина еле слышно. – Это намного лучше, чем ткацкая фабрика, и платят больше.

– Просто странно это все, – так же тихо ответила я ей. – Мы с ней никогда дружны не были, как ушла – в приюте больше не появлялась. А здесь внезапно вспомнила и облагодетельствовать желает…

– Ну уж облагодетельствовать, – фыркнула Регина, но тут же зажала рукой рот и огляделась, не обратил ли кто внимания на наш разговор. Но все спали или делали вид, что спят. – Она тебе свою съемную квартиру спихнуть собирается, если хозяйка решит тебя взять.

Она – это Сабина Аккерман, которая два года назад покинула приют, но сумела найти себе место в лавке, торгующей элитной косметикой. Жалованье, положенное хозяйкой, да еще процент от продаж позволили ей существовать много лучше, чем всем, кто после приюта пошел на фабрику. Красивая, уверенная в себе, хорошо одетая инорита – такой предстала она передо мной, когда внезапно выразила желание повидаться. Яркое платье, подчеркивающее все достоинства фигуры. Изящные туфельки на каблуке. Да, теперь в ней никто не узнал бы скромную воспитанницу приюта!

– Штефани, тебя же скоро выпнут отсюда? – сказала она, пристально меня разглядывая, как будто уже забыла, как я выгляжу, и желала убедиться в моей подлинности. – Моя хозяйка как раз ищет вторую продавщицу. Нужна девушка с Даром, твоего хватит.

Чуть позже выяснилось, что требования этим не ограничиваются. Сабина озвучила их целый список, где главные были – приятная внешность без видимых изъянов и умение держать язык за зубами. Это касалось как хозяйских дел, так

и тайн клиенток. То, что я не болтлива, бывшая приютская девочка помнила очень хорошо – ни одна чужая тайна от меня дальше не уходила. Было у Сабины и условие – я снимаю квартиру, за которую она проплатила за год вперед, но которая ей сейчас не нужна, а хозяйка деньги возвращать отказывалась.

– Не квартирка – конфетка, – говорила она. – Комната, правда, маленькая, но одной тебе к чему больше? И кухня, и душ – все свое, не общее…

Это, конечно, не фабричный барак. Знает же, чем зацепить можно. Но все это было слишком хорошо, чтобы я могла поверить в искренность Сабины. Как-то не припоминались за ней доброта, бескорыстие и желание безвозмездно помочь ближнему.

– Что ж ты в этой конфетке жить сама не хочешь? – заинтересовалась я. – Если она такая прекрасная.

– У мужа своя, – небрежно бросила она, проинформировав меня заодно об изменившемся статусе. – Две, как понимаешь, нам не нужны. Так как?

Я неопределенно пожала плечами. Все это было настолько неправдоподобно заманчиво, что поневоле закрадывался вопрос: а как я буду за это расплачиваться? И чем? В доброту душевную Сабины я не верила – она всегда ставила собственную выгоду превыше всего. Вот если бы она запросила с меня еще и процент от жалованья, тогда бы все сомнения отпали. С другой стороны, может, ее настолько беспокоит оплаченная квартира, что вариант с деньгами за помощь в трудоустройстве просто не пришел в голову?

– Такое место без меня ты все равно не найдешь, – начала она уговаривать, чем только еще больше усилила мои подозрения. – Это центр города, публика соответствующая, хорошие деньги – еще и процент от продаж идет. И все, что я от тебя прошу, – взять на себя оплату моей квартиры. Это всего ничего за такое щедрое предложение. Тебе же придется где-то жить, когда отсюда уйдешь? А это идеальный вариант – близко к работе, хороший район. Поверь, дешевле ты не найдешь, я сама столько обегала, пока нашла…

Вот этому я могла и поверить – первое попавшееся она точно не схватила бы. Интересно, что собой представляет ее муж? Если он не против ее работы, значит, доходы у него невелики. Получается, она за него по любви вышла?

Никогда бы не подумала…

– Ну что ты молчишь? – В голосе Сабины проскочило явное раздражение. – Думаешь, когда выйдешь, за тобой толпа будет бегать и предлагать место повыгоднее?

– Неожиданно это просто, – ответила я ей. – Да и все равно, от того, что я соглашусь сейчас, ничего не изменится, ведь к работе я смогу приступить только через несколько дней.

– Я бы хозяйке сказала, что она может никого больше не искать. – Фраза прозвучала столь невинно-фальшиво, что я сразу догадалась, с кого возьмут деньги за мое трудоустройство. – Но учти, ты ей можешь и не подойти, она инора очень придирчивая. Если тебя не возьмет, то и квартиру оплачивать тебя никто не обяжет. – Она презрительно на меня посмотрела, фыркнула и добавила: – Твоей зарплаты с этой уродской фабрики не хватит. Слушай, ну чего тебе не нравится, в самом деле? Ничем не рискуешь. Не возьмут – попрешься на фабрику, возьмут – снимешь у меня квартиру. И все.

Все это выглядело очень заманчиво, так и тянуло согласиться. Но ведь была еще Регина. Регина, которая мне была как сестра, с которой у нас были планы и которая тоже вскоре должна была покинуть приют. Вместе выживать намного легче, пусть и в менее комфортных условиях, чем мне сейчас предлагают.

– Я подумаю, – наконец ответила я.

– Подумает она! – Сабина просто поперхнулась возмущением. – Другая бы за такую возможность ухватилась сразу, да еще благодарила бы не умолкая.

– Но пришла-то ты ко мне, а не к кому-то другому, – резонно возразила я.

– Да нет у меня больше знакомых, чтобы Дар был, физиономия не страшная, да еще болтать не любила, – честно призналась наконец Сабина. – Я хозяйке пообещала, что найду кого, но не так-то это просто оказалось. А она уже злиться начинает.

– И очень злится? – как бы между прочим поинтересовалась я.

Все же характер потенциальной работодательницы – вещь немаловажная. Что нас ждет на фабрике, мы прекрасно знали – все-таки несколько раз в неделю по четыре часа отрабатывали, так что неожиданностей там быть не должно.

– Да нет, что ты, – Сабина заулыбалась и рукой махнула, чтобы показать несерьезность моего опасения. – Это я так, для красоты речи. Нормальная она, лишний раз голос не повысит.

– А условия ухода оттуда какие? – все же решила спросить я.

– Да как везде, – она удивленно приподняла брови, подщипанные и чуть подкрашенные, – кровью расписываться тебя не заставят, магическую клятву давать тоже не нужно.

– Хорошо, я подумаю, – повторила я.

Сабина вздохнула, она поняла, что сегодня от меня больше ничего не добьется.

– Тогда я скажу, что ты согласилась, – неожиданно заявила она. – Если решишь отказаться, скажу хозяйке, что ты передумала. Тебя когда выпнут?

Слово «выпнут», которое она использовала уже второй раз, не очень подходило для момента выхода из приюта. Сестры-монахини стремились сделать его наиболее безболезненным – нам вручался набор вещей на первое время и часть денег, заработанных за это время на фабрике. Меньшая, конечно, большая шла приюту. Кроме того, давали еще направление на фабрику. В других приютах, по слухам, и этого не было. Дорос до определенного возраста – и до свидания. Что там с тобой за воротами произойдет, никого не волнует. С другой стороны, задержаться даже на лишний час нам тоже не давали. Прощание происходило сразу после завтрака без оркестра и салюта.

– Через два дня, – ответила я ей.

– Тогда я забегу через два дня, – довольно сказала Сабина. – А если не забегу – значит, уже нашли кого на это место.

Ушла она сразу, ни о чем больше говорить не захотела, хотя вопросов у меня было множество. Наверное, дай я ей твердое согласие, она бы по-другому отнеслась. Но я хотела сначала обсудить все с Региной. Поговорить нам удалось, лишь когда мы оказались в спальне, где, кроме нас, было еще очень много разновозрастных девочек. Пока все укладывались, перешептывались и постепенно засыпали, я рассказывала Регине о предложении Сабины и о том, почему при всей кажущейся выгоде мне не хочется на него соглашаться.

– Она права, – шепнула Регина. – Где тебе еще такое место предложат?

– Но мы же вместе хотели, – напомнила я.

– Так и будем вместе, – оптимистично заявила подруга, даже чуть повысив голос для убедительности. – Просто попытаемся найти работу не в такой заднице, как эта фабрика.

Я посмотрела на нее с осуждением. Регина иной раз позволяла себе слова и выражения, за которые нас нещадно наказывали – наотмашь били по губам, а особо провинившихся изредка даже пороли. Занималась этим сестра Тереза, женщина лет пятидесяти, плотной комплекции, с вечно сжатыми в куриную гузку губами. Это даже доставляло ей удовольствие, особенно когда жертва начинала плакать и умолять бить не так сильно. Остальные сестры были более снисходительны к детям, но эта…

– Что ты так на меня смотришь? – прошептала Регина. – Задница, она и есть задница, разве не так? По-другому и не скажешь. Все равно нас сейчас никто не слышит. Можно, конечно, высокомерно сморщить аристократический носик и сказать: «Это место работы не очень-то хорошо», но смысл? Суть от этого не изменится.

Да, здесь она была права – работницы фабрики жили, мягко говоря, не очень богато. Многих это устраивало, и они ничего не пытались изменить. Из всех, кто вышел из нашего приюта за последние два года, только Сабина там не задержалась. Рискнула, ушла и неплохо устроилась. Может, и мне попробовать?

– Соглашайся, – продолжала уговаривать меня подруга. – Что ты теряешь? Фабрику? Так туда в любой момент прийти можно, и возьмут. Можно подумать, там у них за место дерутся.

Фабрика меня и саму не привлекала. Но не менее важным казалось другое…

– Не нравится мне Аккерман, – честно сказала я Регине. – И все, что от нее идет, – тоже не нравится. Мне же с ней работать рядом придется и жить в квартире, которую она уже под себя подстроила.

– Перестроишь, – оптимистично заявила подруга. – И совсем необязательно, что работать рядом с ней придется, скорее всего, по очереди будете отбывать. Не понравится – уйдешь. Что решила-то?

– Давай спать. У меня впереди еще два дня, чтобы обдумать, – вздохнула я.

Регина замолчала, но ее глаза выразительно поблескивали в темноте, выдавая, что вот прямо сейчас она уже начинает строить планы. А если подруга за что-то бралась, то одними планами она не ограничивалась, а пыталась их немедленно воплотить. Так что за эти два дня она меня непременно уговорит. Впрочем, я и сама была склонна согласиться. Вполне возможно, что поселившееся внутри меня нежелание принимать помощь Аккерман – лишь дань привычке приютского ребенка никому не доверять, а на самом деле ей от меня ничего не нужно, кроме денег за неудачно снятую квартиру. Потом мне пришло в голову, что могут найти подходящую девушку и без меня, и тогда все решится само. Так что я просто положилась на судьбу. Придет Сабина через два дня – схожу с ней, хоть посмотрю, где работать предлагают, не придет – значит, не судьба.

Глава 2

Утром в день моего рождения дежурная монахиня прочитала в столовой прочувствованную речь о том, что они отпускают меня со слезами на глазах и болью в душе и даже представить не могут, как дальше приют сможет без меня существовать. Фразы были гладкие, красивые и точь-в-точь такие же, какие были обращены ко многим девушкам до меня, так что не приходилось обольщаться мыслями о собственной незаменимости. Распереживалась одна Регина, даже носом шмыгнула, когда думала, что я отвлеклась. Внешне она старалась ничего не показывать, чтобы не расстроить меня окончательно. За прошедшие с прихода Сабины дни все было обговорено по нескольку раз, но все

же и у меня комок к горлу как подступил, так и не хотел уходить, грозя разразиться самыми настоящими слезами. Теперь свидания с единственным близким мне человеком ограничивались получасом в неделю – таковы правила приюта, и никто их нарушать ради нас не будет. Радовало, что это ненадолго – каких-то жалких два месяца, и мы снова будем рядом. А к этому времени я устроиться смогу в лавке ли, на фабрике – да какая, в сущности, разница?

Нам с Региной даже толком попрощаться не дали. Подругу отправили на отработку, а меня повели к сестре-смотрительнице, поставленной во главе приюта руководством монастыря, при котором все это было организовано. Видели мы ее не очень часто, а уж вблизи – почти никогда. В обычной жизни была она для нас так же недостижима, как святая Бригитта – покровительница этого места. Сейчас я могла ее внимательно рассмотреть. Только зачем? Вряд ли мы с ней еще когда-нибудь увидимся. Разве что мне придет в голову подарить месту, меня вырастившему, большую денежную сумму – таких покровителей она принимала всегда лично и с большим удовольствием. Сейчас сестра-смотрительница занималась тем, что произносила еще одну напутственную речь. Никаких отличий от того, что мне уже довелось выслушать не так давно, я не нашла, так что, когда дело дошло до молитвы, направляющей воспитанниц на путь истинный, и мы начали ее вдвоем повторять, я даже внутренне облегченно выдохнула, так как с трудом выносила все эти нравоучительные беседы, во время которых иной раз начинала засыпать. Монахини сетовали на мою испорченность, а Регина – на занудство самих монахинь. Ибо то, что нужно и интересно, не будет навевать сон.

– Дочь моя, есть ли у тебя просьбы, выполнить которые было бы в моих силах? – спросила сестра-смотрительница с самой благостной улыбкой на лице из всех, что мне приходилось видеть.

– Я хотела бы встречаться чаще с моей подругой, которая остается здесь, – встрепенулась я.

– Увы, правила внутреннего распорядка этого не допускают, – непреклонно ответила она, не переставая при этом счастливо улыбаться, как будто была уверена, что именно отказ мне и нужен. – Больше у тебя никаких просьб нет?

Я отрицательно покрутила головой. Все, визит закончен, сейчас меня направят к сестре-кастелянше – и на выход с вещами. Неожиданно стало страшно. Жизнь в приюте, хоть и не такая легкая, была привычной и размеренной, а сейчас меня

из нее вышвыривали в бурный поток, почти безо всякой опоры.

– Ты всегда можешь обратиться к нам за советом, – сестра-смотрительница ответила на мои страхи, как если бы я их озвучила. Она еще раз мне ласково улыбнулась, и я было решила, что прямо сейчас меня попросят на выход, как она неожиданно сказала: – А теперь я хочу передать тебе письмо от твоей матери.

– От кого?

Мне показалось, что я ослышалась. Нет, то, что где-то существует женщина, которая меня родила, я понимала, но как-то раньше ее не волновала моя жизнь. Так с чего вдруг она решила написать письмо?

– От твоей матери, – терпеливо повторила сестра-смотрительница. – Когда тебя нашли перед нашими дверями, при тебе было письмо монахиням, в которое вложили еще один конверт с просьбой передать, когда ты вырастешь и должна будешь покинуть наше богоугодное заведение.

Она протянула мне запечатанный конверт. Я повертела его в руках. Мое имя было написано четким, немного угловатым почерком с небольшим наклоном влево. Писала ли обычно моя мать так или стремилась, чтобы по такому явному признаку ее опознать было нельзя? Бумага немного пожелтела или изначально была не очень хорошего качества, на сургуче виднелся нечеткий, смазанный оттиск, и мне показалось, что содержимое уже кто-то изучил до меня.

– И что там?

– Это же твое письмо, ты же не думаешь, что мы его вскрывали?

Теперь улыбка сестры-смотрительницы казалась мне фальшивой и приторной, как кусок сахара, который приходится торопливо прожевывать и глотать, чтобы никто не заметил, что ты взяла его без спросу. Я опять повертела конверт, рассматривая со всех сторон. Не то чтобы он был мне столь интересен, но я просто не представляла, как же его открыть – ведь раньше письма мне не приходили. Монахиня все с той же благостной улыбкой протянула мне нож для бумаг. Я поддела сургучный оттиск и открыла конверт. В нем была записка, короткая и написанная столь же примечательным почерком: «Счет в Гномьем Банке № M4000639, доступен по кодовому слову «Штефани». Надеюсь, тебе

хватит – в приюте должны приучить к экономии». И все? Я повертела в руках теперь уже листок с письмом, но ничего больше не обнаружила. Возможно, конечно, что остальное было написано проявляющимися чернилами – про то, как она страдала, что вынуждена была расстаться со мной, как она меня любит и как непременно будет мне помогать всю оставшуюся жизнь в искупление того, что бросила меня, и тому подобная ерунда, которую пишут женщины, пытающиеся оправдаться перед брошенным ребенком. Возможно, но что-то я сильно в этом сомневаюсь. Для меня написанное в письме прозвучало, как плачу за все неудобства, и больше ты меня не интересуешь. И настолько мне это показалось обидным, что я даже решила гордо от этих денег отказаться в пользу приюта, но встретила жадно-выжидающий взгляд монахини и передумала. Не знаю, сколько там, но мне они лишними не будут. У других сирот и этого не было, а мне от непутевой мамаши досталась не только жизнь, но и какие-то сбережения. Возможно, не только деньги…

– А имя мое тоже было в сопроводительной записке? – спросила я у сестры-смотрительницы.

– Имя и дата рождения, – любезно подтвердила она мои мысли. – Фамилию тебе дали в приюте.

– За все это время хоть раз кто-нибудь интересовался мной?

– Никаких запросов не поступало.

Как я и думала, заплатила – и забыла. Не скрою, я иной раз размышляла, какова она, моя мать, почему она меня бросила и что бы я сделала на ее месте. Мне казалось, что от своего ребенка я бы никогда не отказалась…

– Не осуждай женщину, которая тебя родила, – пафосно сказала сестра-смотрительница. – Ты не знаешь, какие жизненные обстоятельства заставили ее поступить так. Она сохранила тебе жизнь и позаботилась как умела.

Я уныло покивала и сказала:

– Я и не думала ее осуждать.

– И искать ее тоже не надо, – уже мягче сказала она. – Если бы она хотела, нашла бы тебя сама и раньше. А так… Твое появление наверняка осложнит ее и без того непростую жизнь.

Эти слова она говорила на основе своего многолетнего опыта. Не одна воспитанница приюта, покинув эти стены, отправлялась на поиски хоть какой-то родной души, а у некоторых эти поиски даже увенчались успехом. Вот только не слышала я, чтобы это кому-то принесло счастье. Сама я искать родительницу не собиралась. Давно для себя решила – если я ей оказалась не нужна, то и она мне – тоже. И ее сухое деловое письмо только утвердило меня в этом намерении. Она считала свой материнский долг уплаченным, я считала, что мой дочерний просто не успел накопиться.

– Благослови тебя Богиня. – Сестра-смотрительница наконец сказала то, после чего я могла покинуть ее кабинет, чтобы никогда больше не возвращаться.

Я механически пробормотала слова прощания, положила листок с номером счета назад в конверт, а конверт – в карман платья и после разрешающего кивка с облегчением выскользнула за дверь. Там меня уже ожидала сестра Тереза. Видно, оставшееся время мне ходить только под конвоем, чтобы не задержалась, не дай Богиня, до обеда – придется кормить, а на меня теперь больше не готовят. Сестра-кастелянша выдала мне приличных размеров сверток, в котором было одеяло, платье, пальто и смена белья, отсчитала деньги, что причитались мне за работу на фабрике, и призвала на меня благословение Богини с таким недовольным видом, будто проклятие посылала. Что ж, ее можно было понять – сестра-кастелянша не любила расставаться с тем, что попадало к ней на склад. А уж когда она выдавала деньги, создавалось впечатление, что отрывает она их прямо от сердца, с кровью и нервами. Так и хотелось вернуть все назад и извиниться за причиненные страдания. Но я задавила возникшее желание, собрала не такую уж большую денежную сумму, горкой мелких монеток лежавшую на столе, положила в карман и даже поблагодарила за заботу. Сестра-кастелянша кисло мне улыбнулась, и на этом мое пребывание в приюте подошло к концу. Сестра Тереза отконвоировала до калитки, за которой со скучающим видом уже стояла Сабина. Ключ в замке повернулся со страшным лязгом, от чего она испуганно вздрогнула и оглянулась. Наверное, специально не смазывают петли, чтобы уйти без ведома монахинь было нельзя. Ключ повернулся теперь уже за моей спиной, полностью отрезав от прежней жизни.

– Да уж, сиротка на выходе, – хмыкнула Сабина, пренебрежительно окинув взглядом как меня, так и мою поклажу. – Брось этот гадкий тюк, он тебе не понадобится. Такое носить по собственному желанию могут только те, кто себя ненавидит.

– У меня все равно другого нет, – недовольно ответила я.

Легко ей говорить «брось». Это мое единственное имущество на сегодняшний день, и расставаться с ним не было никакого желания. Кто знает, как все повернется дальше? Лучше иметь такую смену, чем не иметь никакой. Сама Сабина наверняка не оставила выданное в приюте.

– Штеффи, я тебе на первое время подберу одежду из своей старой, – неожиданно предложила Сабина. – Только оставь здесь это позорище.

– Ты же сама говорила, что меня туда могут и не взять, если хозяйке не понравлюсь, – возразила я. – К чему мне тогда твоя одежда? Для фабрики она совсем не подходит. Да и одеяло, пусть даже такое страшное, лишним не будет.

– Ты с этим узлом выглядишь как деревенщина, впервые приехавшая в Гаэрру, – раздраженно сказала Сабина. – Я не могу тебя в таком виде вести к хозяйке. Она такой типаж терпеть не может. Сразу откажет! А у меня сил уже нет в одиночку там работать!

Она надулась от злости, покраснела и почти на меня кричала. Можно подумать, от этого несчастного узла с моими вещами зависит вся ее жизнь. Неожиданно мне захотелось развернуться и оставить ее здесь сотрясать воздух в одиночестве. Но я пообещала Регине, что попробую получить это место, поэтому решила не обращать внимания на поведение Сабины и предложить что-нибудь, устраивающее нас обеих.

– Можно оставить мои вещи у тебя, а потом пойти в лавку, – предложила я. – Сразу и квартиру покажешь.

Сабина успокоилась тут же, как будто из нее вышел закачанный воздух, а новому взяться было неоткуда.

– В самом деле, тогда тебя и переодеть можно будет, чтобы совсем уж прилично выглядела, – довольно сказала она. – Пойдем уж, и так из-за тебя столько времени потратили. Хозяйка очень недовольна была, что пришлось меня отпустить. Обычно в это время она еще спит, а так пришлось встать за прилавок.

– Спит? Ну ничего себе, – поразилась я. – Полдень почти. Как можно столько спать?

Я прижала узел покрепче и двинулась за Сабиной вслед. Размышления о возможной работодательнице не радовали. С таким подходом и разориться можно очень быстро. Вот я не стала бы рассчитывать, что Сабина будет усердно работать без присмотра. А еще вполне в ее духе было бы деньги за проданный товар совершенно случайно положить мимо кассы в собственный карман…

– Часть снадобий, что у нас продаются, можно делать только ночью, – поясняла Сабина уже на ходу. – Вот она утром и отсыпается. Продавщицам дает допуск в магазин, чтоб ее в это время не беспокоили. Да и утро – очень спокойное время для торговли косметикой. Наши клиентки обычно спят допоздна, даже если по ночам не колдуют. У богатых дамочек, знаешь ли, свой распорядок дня, а бедные к нам не ходят.

В ее голосе прозвучала такая горькая зависть, что я невольно подумала, зря она поторопилась с замужеством. Она же говорит, что ходят в эту лавку клиенты с деньгами. Глядишь, и подвернулся бы кто-нибудь, жизнь с кем позволила бы дрыхнуть целый день и ни о чем не думать. С другой стороны, товар довольно специфический, мужчины им мало интересуются, нужно было ей устраиваться продавать галстуки или трости. Может, ее муж – самое приличное, что попалось за все это время в магазине?

Сабина шла очень быстро, не желая опаздывать еще больше, поэтому все разговоры прекратились, мне тоже было трудно одновременно бежать, стараться не уронить объемистый тюк и говорить на разные отвлеченные темы. Да и не настолько мы с ней близки, чтобы вот так, по-приятельски, обсуждать новости из жизни общих знакомых. Боюсь, ее совсем не интересовали общие знакомые по приюту, а других у нас не было и, вполне возможно, не будет. Так что я даже не пыталась задавать интересующие меня вопросы. Понятно же, что, если меня возьмут, Сабина расщедрится и выдаст мне нужные сведения, а если не возьмут – резко потеряет ко мне интерес и мои вопросы так и останутся без ответа. Двигалась она резко, на поворотах юбка иной раз даже немного

захлестывалась вокруг ног, показывая не только изящные туфельки, но и некоторую часть ноги, начиная от лодыжки. Наверное, будь я мужчиной, это зрелище меня бы привлекло, а так я лишь подумала, что монахини к этому отнеслись бы неодобрительно.

К дому со снятой Сабиной квартирой мы дошли быстро. Аккуратный, ухоженный, свежеокрашенный, он производил самое благоприятное впечатление. А ведь я так и не спросила, сколько мне придется платить, если все пройдет так, как надо. В глубине души зародились подозрения, что зарплаты моей может оказаться недостаточно, слишком богато выглядел дом. Квартира была не такой уж маленькой. Нет, в размерах она, несомненно, уступала нашей общей приютской спальне, но была значительно больше клетушки барака ткацкой фабрики, где я не так давно собиралась жить и в которую влезали лишь узкая кровать и небольшой стол. Для шкафа места уже не было, его роль исполнял ящик под кроватью. Сама я там ни разу не была, судила лишь по рассказам, ходившим среди приютских девочек. И теперь поняла, что и не хочу узнавать, правдивы ли эти рассказы, настолько мне понравилась квартира Сабины. Она была очень уютной, даже несмотря на беспорядок и пыль. Сабина подошла к гардеробу, украшенному резными завитушками, и открыла дверцу.

– Негусто, – сказала она, – даже и не знаю, что тебе дать. Все они какие-то никакие. Не зря же я их не стала забирать.

Я заглянула через ее плечо. Пять платьев – это же просто огромный выбор! Чистые цвета, аккуратные швы, пышные юбки – любое из них выглядит лучше, чем мое грубое приютское одеяние.

– Так, сиреневое отбрасываем, в нем ты совсем на покойницу походить будешь, – заявила Сабина. – У этого шов разошелся, здесь пятно на юбке. Остаются вот эти два – в клетку и с цветочным рисунком. Что выбираешь?

У меня даже есть возможность выбора? Ну надо же…

– С цветочным рисунком, – сказала я.

В самом деле, что может быть дальше от того бесформенного ужаса, что на мне сейчас, чем легкое летнее платье с большим вырезом и нарисованными на ткани букетиками цветов, пусть даже происхождение которых не смог бы вычислить

самый опытный садовод?

Глава 3

На первый взгляд владелица лавки казалась этакой безобидной рыхловатой инорой, чьи интересы не простирались дальше «вкусно поесть и сладко поспать». Улыбалась она постоянно, но это выражение лица – не более чем маска, из-за которой проглядывал такой острый оценивающий взгляд, что сразу стало понятно – если бы Сабина по ошибке пронесла хоть малую часть выручки мимо кассы, больше она не проработала бы здесь ни дня. Помещение, где эта самая касса стояла, было не очень большое. Несколько высоких прилавков, сразу привлекающих внимание, низкий стол с ворохом разноцветных бумажек и мягкие кресла вокруг него составляли всю обстановку, но она не казалась скудной, каждая деталь была хорошо продумана и говорила о достатке и успехе. Одни флакончики чего стоили – разнообразной формы, украшенные кристаллами в металлической оплетке или причудливыми стеклянными узорами. Вполне возможно, что кристаллы были настоящими драгоценными камнями – моего опыта было недостаточно, чтобы отличить красиво блестящую стекляшку от чего-то более дорогого. А еще над всеми флаконами витал тонкий, едва заметный флер магии хранения. Пока я украдкой оглядывалась, меня тоже изучали, намного более внимательно.

– Действительно, девочка очень миленькая, – обратилась хозяйка к Сабине, как будто меня не было рядом. – Этакая голубоглазая куколка корнинского фарфора. А вид какой серьезный. И осанка. Можно принять за обедневшую дворяночку из провинции. Ты ничего не знаешь о родителях? – обратилась она теперь уже ко мне.

– Нет, инора Эберхардт.

Ответила я коротко, как наказала мне Сабина. Да и добавить к короткому «нет» мне было нечего – не рассказывать же о записке, которую мне сегодня отдали? Все равно она не проливает ни малейшего лучика света на мое происхождение. А что касается осанки, так это была отличительная черта воспитанниц нашего приюта – Сабина держалась не менее прямо, хотя вышла оттуда на два года раньше меня.

– Накопители заряжать умеешь?

– Да, инора Эберхардт.

В приюте вовсю использовали всех, у кого был хоть малейший Дар, для заполнения кристаллов-накопителей. Больше нас там ничему не учили, и тот скромный набор заклинаний, что я знала, был получен от соседок по спальне. Монахини такой обмен знаниями не поощряли и наказывали за магические эксперименты довольно жестко. Судя по всему, жизнью Сабины владелица лавки не особо интересовалась и таких тонкостей не знала, так как мой ответ вызвал довольную улыбку на ее лице. Чувствуется, использование магического Дара будет входить в мои обязанности безо всякой дополнительной оплаты. Но инора не торопилась меня брать, на лице ее появилось какое-то непонятное выражение, она потрогала крупный перстень со странным камнем, который чуть ли не полностью закрывал фалангу безымянного пальца левой руки, и еще раз придирчиво меня осмотрела.

– Руки покажи, – внезапно потребовала она.

Я удивилась, но послушно подняла и повертела ладонями.

– Ногти – ужас, – недовольно сказала инора. – Вас там что, не кормили, что приходилось так добирать?

Я промолчала. Ногти у меня были не обкусанные, а обрезанные приютскими ножницами. Выглядело это почти одинаково, поскольку ножницы были ужасно тупыми и больше жевали, чем резали.

– Даже не знаю, – протянула хозяйка лавки, – брать продавщицу с такими ужасными ногтями? Как она клиенток обслуживать будет? Это урон репутации заведения.

– Маникюр можно сделать, – вылезла вперед Сабина. – Форма ногтей у нее красивая, просто короткими пока будут, а потом отрастут.

Надо же, как хочет меня пропихнуть. Раньше я не слышала, чтобы она кого похвалила или отметила какие-нибудь чужие достоинства. Ведь достоинства

могут быть только у нее.

– «Потом» меня не устраивает, – отрезала инора. – Наращивание сделаете. Ладно, возьму, но с испытательным сроком за половину жалованья. Ее же еще обучать надо. Если хорошо себя покажет, через месяц жалованье увеличу. Процент с проданного товара пойдет сразу. Устраивает?

Я покосилась на Сабину. Она энергично кивала, влюбленно глядя на свою нанимательницу. Ее-то устраивает, она свои деньги за аренду получит, а останется ли у меня еще что-то после этого? Ведь еще одежду покупать придется – подозреваю, что мои приютские платья не устроят инору Эберхардт точно так же, как и приютский уход за ногтями. А денег у меня на такие покупки почти нет. Разве что на счете, оставленном матерью, лежит круглая сумма? Экономия, в ее представлении, могла сильно отличаться от того, к чему я привыкла. Сабина дернула меня за руку, давая понять, что размышлять о денежных вопросах я могу и в другом месте, а здесь надо показывать готовность подчиниться требованиям нанимательницы, а то ведь она и передумать может.

– Да, инора Эберхардт, – сказала я.

Отказаться можно и потом, если уж мне совсем невмоготу будет. Хотя чего тут сложного? Улыбайся да повторяй покупательницам, что только этот крем позволит им дожить до глубокой старости без морщин, покраснений и вылезающих наружу кровеносных сосудов. Во всяком случае, Сабина утверждала, что от меня больше ничего не потребуется.

– И вот еще что. Все, что происходит в нашем магазине, должно здесь же остаться. Мне не нужно распространение слухов, сплетен и тому подобного, могущего нанести урон репутации моего дела. Иногда приходится даже идти на мелкие нарушения закона. Но все это – исключительно в интересах наших клиенток. Сабина говорила, ты не болтлива, да?

– Да, инора Эберхардт, – повторила я уже завязшую в зубах фразу.

Доносить на работодателя – последнее дело. Да и кому мне что-то рассказывать? Из друзей у меня только Регина, и та осталась в приюте. Не думаю, что у меня в ближайшее время появится множество новых знакомых, с

которыми я буду болтать об истинных доходах иноры Эберхардт, о чем, как я уверена, она беспокоится больше, чем об интересах своих клиенток.

– Тогда после обеда Штефани должна полностью соответствовать уровню моего магазина, – улыбнулась нам инора. – И чтобы не опаздывали. Не хочется лишний штраф записывать на ваш счет.

О штрафах меня не предупреждали. Я выразительно посмотрела на Сабину, но она и не подумала раскаяться, подхватила меня под руку и целеустремленно двинулась на выход. Мы были уже у порога, как нас догнал вопль хозяйки лавки:

– Стоять! А это что за безобразие?

– Вы сейчас о чем, инора Эберхардт? – подобострастно заулыбалась ей Сабина.

– О том, что на ногах у твоей подруги, – недовольно сказала инора. – У меня приличный магазин, а не богадельня. Мне продавщицы в опорках не нужны. Если хочет здесь работать, пусть купит нормальные туфли.

– Конечно, инора Эберхардт, – защебетала Сабина, не переставая улыбаться. – У нас просто времени на это не было, мы торопились побыстрее к вам прийти. Мы же знаем, как тяжело вам приходится.

Льстивые слова, сколь ни были они фальшивы, нашли прямой путь к сердцу работодательницы, взгляд ее смягчился, а улыбка даже стала походить на настоящую.

– Хорошо, – сказала она и окинула меня внимательным взглядом в попытках найти еще что-то, не соответствующее великой должности продавщицы ее лавки, которую она гордо называла магазином. – Кажется, все остальное не требует моих замечаний.

– Вы очень заботливы, инора Эберхардт, – подобострастно сказала Сабина. – И так наблюдательны.

– Не задерживайтесь, – сказала инора нам вдогонку. – Моей добротой злоупотреблять не стоит.

Сабина выскочила из лавки и резко выдохнула.

– Надо же, взяла, – с явным облегчением сказала она. – Вчера двоим отказала, а тебя сегодня взяла. Наверное, из-за Дара.

Зависть, прозвучавшая в ее голосе, была мне не в новинку. Но что толку в таком мизерном Даре? Только на заполнение накопителей и годится да на всякие бытовые мелочи. Заклинаний я все равно почти не знала, так что и большинство бытовых мелочей были мне недоступны. Я и свечу толком зажечь не могла – не хватало концентрации. Где мне ее было наработать? В приюте свободного времени у нас не наблюдалось, а тот небольшой период перед сном, когда обязательных занятий не было, все равно проходил под надзором монахинь, считающих праздность большим грехом, а занятия магией – ненужным излишеством. К чему учить того, от кого требуется только заполнение приютских, а иной раз и монастырских, накопителей? Правильно, ни к чему – ведь тогда энергия будет уходить на обучение и отработку, а не на нужды монастыря.

– Деньги я тебе займу, – тоном, не допускающим возражение, заявила Сабина.

– Мне в приюте выдали.

– Ой, не смеши, выдали ей. А то я не помню, сколько они там от щедрот своих отсыпают! На то, что тебе выдали, только с голоду не помереть можно в первый месяц, – недовольно фыркнула она. – На приличные туфли не хватит. Я бы тебе свои дала, но не подойдут ведь.

С этим нельзя было не согласиться. Если платье Сабины я еще могла надеть, зашнуровав до предела, то из ее туфель попросту вывалилась бы – нога у меня была много меньше и уже. Но быть ей должной более необходимого не хотелось. Возможно, она преувеличивает, и денег мне хватит – на фабрике я работала усердно, сумма накопилась не такая уж и маленькая, монахини были уверены, что мне на первое время хватит. Неужели я не смогу купить туфли сама? И у меня же счет в банке есть! Я приободрилась. Счет в банке, да еще в Гномьем, – звучит очень солидно и придает уверенности в собственных силах. Только узнать нужно для начала, сколько же там лежит. Может, там не только на туфли хватит, но и на небольшой домик для нас с Регионой? Понятия об экономии моей матери могут сильно отличаться от моих.

– Сабина, а где здесь ближайшее отделение Гномьего Банка?

– Самое время тебе о банках спрашивать! – возмутилась она. – Я из-за тебя на штраф нарываться не хочу.

– Не думаю, что посещение банка займет так много времени, – ответила я и тут же увидела нужную мне вывеску. – Мне мать там деньги оставила.

Насколько я знала, особенностью Гномьего Банка было, что деньги со счета можно взять в любом его отделении. Я пока забирать ничего не хотела, но нужно же хотя бы получить представление, на какую сумму я могу рассчитывать. И я отправилась к замеченной вывеске.

– Деньги? – оживилась Сабина. – И много?

Вклад ее явно заинтересовал намного больше, чем то, что его оставила моя мать. В глазах появился блеск, на щеках выступил легкий румянец. Представляю, как она хорошеет, когда держит в руках большую сумму. А если эта сумма предназначена ей лично…

– Вот я и хочу узнать, – сказала я, берясь за ручку двери с душевным трепетом.

Дверь была солидной и тяжелой, как, впрочем, и все остальное внутри помещения. Мебель хоть и надежная, но безо всяких вычурностей и украшений. Массивные деревянные стулья даже не имели мягких сидений для удобства клиентов. Видимо, гномы считали, что заманивать посетителей нужно качеством услуг, а не обстановкой. И что клиентам не следует рассиживаться здесь, отвлекая занятых работников Банка.

– Добрый день, инориты, чем могу быть вам полезен? – важно поинтересовался гном, стоящий сразу около входной двери.

– У меня вклад в вашем банке, – не менее важно ответила я. – Я хотела бы узнать о его состоянии.

Во взгляде гнома уважения прибавилось ровно настолько, чтобы проводить меня в отдельный кабинет, или, скорее, клетушку – слишком маленьким было

помещение. Зато когда за моей спиной захлопнулась дверь, я обнаружила, что за ней остались и все звуки. Да, чем меньше объект, тем проще его защитить магией. Это даже я знала.

– Добрый день, инорита, – гном, до моего появления сидевший за столом, привстал в знак приветствия и вежливо улыбнулся, насколько это позволила рассмотреть его окладистая борода, очень аккуратно подстриженная и расчесанная. – Чем могу быть вам полезен?

– Добрый день. – Я попыталась успокоиться и, четко выговаривая каждое слово, сказала: – Счет № M4000639, кодовое слово «Штефани».

Гном переспросил еще раз номер счета, потом вытащил какой-то сложный артефакт и начал нажимать на нем кристаллы в последовательности, понятной только ему. Видно, результат его удовлетворил, и он признал мое право на владение той суммой, что была на счету.

– Что вы хотите сделать? Закрыть или пополнить?

– Для начала я хочу узнать, сколько денег на нем есть.

– Один золотой, пятьдесят четыре серебряных.

– Один золотой? Но этого не может быть!

– Почему же? Именно столько здесь и указано.

Нет, в приюте приучают к экономии, но не до такой же степени! Не могла же моя мать всерьез считать, что столь мизерная сумма как-то мне поможет? Тут я вспомнила заинтересованный взгляд сестры-смотрительницы, и в мою голову полезли самые страшные подозрения.

– Столько денег здесь было с открытия счета? – уточнила я.

– Нет, первоначально размер счета составлял… – и он назвал сумму, разительно отличавшуюся от того, что там сейчас было. – Через неделю все деньги, за исключением одного золотого, были сняты.

– И за давностью лет определить, кто их снял, конечно, не представляется возможным? – уточнила я.

Что ж, отсутствие доказательств не помешает мне прийти в приют и посмотреть в глаза сестре-смотрительнице. Правда, до этого дня я ни разу не слышала, чтобы они присваивали имущество или деньги сирот, вверенных им на попечение. Но, видно, сумма была слишком большая – думаю, ее хватило на огромное количество добрых дел.

– За давностью лет, конечно, нет, – подтвердил мои опасения гном. – Но у меня здесь есть отметка, что деньги снял тот же человек, что и положил.

Неужели это сделала моя мать? Но зачем? Положила, потом сняла. Странно это. Она же собиралась обо мне позаботиться? А одного золотого, даже с наросшими за это время процентами, как-то мало для полноценной заботы. Не могла же она этого не понимать? Или снимала все же не она?

– Вы уверены? А не мог кто-то намеренно принять чужой вид?

– Инорита, у нас – не мог, – отрезал он. – Если указано, что одна и та же персона положила, а потом – сняла, значит, так оно и есть. Наши артефакты не проведешь – они по ауре смотрят.

– А если маг был очень сильный? – невольно заинтересовалась я.

– Очень сильные маги из-за такой суммы рисковать своей репутацией не будут, – ответил он. – Да и защиту нам драконы ставили.

Пришлось признать, что сестра-смотрительница, несмотря на свое подозрительное поведение, тут ни при чем. Наверное, просто надеялась, что я отдам приюту часть суммы. Деньги им были бы не лишние – того, что идет от казны, на все нужды не хватает. Да, наследство мне досталось просто огромное.

– А почему было не снять всю сумму? Лучше было закрыть счет, чем оставлять такое вот издевательство, – невольно сказала я вслух.

– Возможно, тот, кто это сделал, впоследствии хотел пополнить вклад, но что-то ему помешало, – предположил гном.

– И мешало все восемнадцать лет?

– Все может быть, инорита. – Он мне вежливо улыбнулся. – Так что будем делать со вкладом?

Что с ним можно было сделать, я не представляла. Сумма была слишком незначительной, чтобы мне помочь, но и оставлять ее смысла я не видела. Но в таких случаях всегда стоит спросить того, кто разбирается в вопросе лучше меня.

– А что бы вы мне посоветовали?

Гном был явно польщен моим вопросом. Он сделал вид, что задумался, и провел рукой по бороде, показывая глубину своих размышлений.

– Я предложил бы вам сделать этот вклад именным, не меняя номера, – наконец сказал он. – Нельзя исключить того, что его опять пополнят. Деньги предназначались вам на совершеннолетие, как я понимаю? – Дождавшись моего подтверждения, он продолжил: – В жизни случается всякое. Иногда и через двадцать лет приходят средства, о которых владельцы вкладов и думать забыли.

Мне не верилось в то, что моя мать внезапно вспомнит о таком незначительном событии, как мое совершеннолетие, и о том, что она хотела мне помочь деньгами, если уж по-другому не получилось. Но почему бы не оставить счет, на котором я смогу накапливать сбережения на что-то значительное? Думаю, служащий банка на это и рассчитывал, все формальности были улажены за несколько мгновений, и я стала владелицей счета, на котором лежало пятьдесят четыре серебряных. Золотой я сняла – лишним он мне не будет.

– Ну как? – сразу спросила меня Сабина. – Много там?

Мне не захотелось ее радовать собственной неудачей…

– Пока я сняла только один золотой, – ответила я.

– А, вклад с условием… – понимающе протянула она. – Наверное, распоряжаться сможешь, когда замуж выйдешь?

Я неопределенно хмыкнула и глубокомысленно промолчала. Ни к чему постороннему человеку знать, что мать меня бросила второй раз. Вполне достаточно того, что это известно мне.

Глава 4

Новые туфли к концу дня неимоверно давили на ноги. Сабина утверждала: это потому, что я не привыкла к нормальной обуви, так как в приюте нам доставалась старая, поношенная – в такой приличной инорите показаться стыдно. Хорошо хоть у обновки каблук был не такой высоты, как хотелось моей мучительнице. Я ей справедливо указала, что с непривычки могу упасть, тем самым уронив репутацию косметической лавки иноры Эберхардт чрезвычайно низко, до уровня пола, на котором окажусь. Сабина поворчала немного, что нужно привыкать к хорошей жизни и начинать это с обуви, но все же сдалась. Туфли были хоть и на каблуке, но небольшом. Ходить в таких удобно, падать – невысоко. Ногу они облегали очень красиво, ничего не скажешь. Это плюсы. Но были и минусы, просто огромные – даже такой небольшой каблук был мне непривычен, а стоили туфли половину выданной мне в приюте суммы. Вторая половина почти полностью ушла на маникюр. Наращивание было небольшое, насколько денег хватало, всего пару линий, но делалось это магически, почти мгновенно. А за скорость надо платить, как сказала Сабина. Она предлагала мне одолжить немного, но я твердо решила, что попробую обойтись без ее помощи. Пока того, что у меня оставалось, достаточно, чтобы купить крупу подешевле и прожить на каше месяц до выплаты первого жалованья. Правильно в свое время посчитала родившая меня женщина, в приюте меня приучили к экономии. Я привыкла обходиться малым, да и цены на продукты хорошо знала – все воспитанницы время от времени ходили делать общие закупки. Под руководством монахини, разумеется, в одиночку нас никогда никуда не отпускали. Я еще раз пересчитала оставшиеся монетки и решила, что их должно хватить. В крайнем случае пару дней поголодаю во славу Богини…

Хозяйку заведения, в котором мне предстояло работать, мой вид устроил безоговорочно. Она одобрительно сказала, что выгляжу теперь я так, как подобает. Оказалось, по поводу платья я беспокоилась совершенно напрасно. Продавщицам полагалась униформа, зеленого сукна платье с белым воротничком и манжетами. Выглядело оно строго, придавая дополнительную солидность обстановке. Нет, это не оговорка – клиентки явно считали нас не более чем предметом обстановки, с той разницей, что изредка обращались с вопросами к нам, а не к креслам. Но так как отвечала только Сабина, то я для покупательниц была интересна не больше, чем витрина, а намного, намного меньше. Там хоть образцы интересующего их товара стояли. А на мне даже никаких надписей.

Весь день я провела на ногах, выполняя поручения «подай-принеси» то ящичек, то баночку, то ключ от стеллажа, то нужный буклет. Сабина отдавала приказания с особым удовольствием человека, в кои-то веки дорвавшегося до небольшой власти. А если вдруг выдавалась минутка, когда в магазине никого не было, то мне вручалась брошюра с описанием представленной на витринах продукции и давался наказ выучить как можно больше текста. Память у меня хорошая, и Сабина постоянно твердила одно и то же покупательницам, так что к концу рабочего дня я отвечала на вопросы иноры Эберхардт, почти не путаясь. Одновременно я заряжала выданные мне накопители. «Чтобы не задерживать тебя после окончания рабочего дня», – как говорила инора, делая вид, что заботится исключительно о моем удобстве.

Жила она в том же узком, вмещавшемся между двумя крупными торговыми галереями здании, где находилась ее лавка. На первом этаже были небольшой зал для покупателей и два крошечных подсобных помещения. Первое служило рабочим кабинетом хозяйки, в нем заключались договора на изготовление косметических средств и проводились необходимые замеры. Второе отводилось под нужды продавщиц. Кроме шкафа с форменными платьями, там была еще маленькая тумбочка с разными мелочами, могущими нам пригодиться в течение дня, и одинокая табуретка, на которой я даже успела сегодня совсем недолго посидеть. Все было таким крошечным, что у меня вызывало чувство неудобства. Казалось, давили не только стены, но и потолок, хотя он располагался на обычной высоте. Но инору это устраивало. Жила она одна. Второй этаж отводился под ее личные апартаменты, а в подвале располагалось небольшое производство – часть продукции хозяйка делала самостоятельно, по индивидуальным заказам. Цены на эти кремы, указанные в лежащем на столике скромном неярком листочке, были такими, что стоимость купленных сегодня туфель мне показалась не такой уж большой, а выданные в приюте деньги –

совсем мизерными. Неужели кто-то такое покупает? Насколько я успела заметить, все пришедшие сегодня дамы ограничивались выставленным на витринах. Косметика там тоже была дорогой, но не чрезмерно. Заказывалась она по специальным рецептам на фабрике, а здесь только расфасовывалась. Сама инора Эберхардт пользовалась только тем, что делала лично. Кремы, маски, декоративная косметика – рецепты всего этого были ее собственные. Зато выглядела она намного моложе истинного возраста. Все это Сабина рассказала, когда внезапно появилось желание поболтать. Вид у нее при этом был такой, будто она мне делала огромное одолжение. Дела иноры Эберхардт меня занимали мало, к тому же Сабина отвлекала меня от изучения косметических премудростей, поэтому слушала я ее невнимательно. Чужая жизнь – дело такое, чем меньше о ней знаешь, тем лучше. А уж сплетничать о жизни нанимательницы во время работы совсем не годится. Так что я по большей части молчала, а когда инора Эберхардт спустилась в очередной раз к нам на проверку, стояла перед витриной и сравнивала описания в брошюре с тем, что там стоит.

– Можно закрываться, – заявила она. – В такое время посетителей не бывает.

Сабина тут же устремилась с табличкой «Закрыто», которая раньше стояла за прилавком, к входной двери. Два засова – верхний и нижний, – проскрежетав, заняли свое место. Хозяйка лично приложила к ним руку, активировав магические запоры. Сабина опустила жалюзи на витринные окна, проговаривая для меня, в какой последовательности и куда нужно нажимать, чтобы это сделать. На этом все предосторожности закончились. Общая защита была неактивна, наверное, хозяйка включает ее без посторонних.

– Я довольна тобой, Штеффи, – заявила хозяйка. – Завтра ты будешь работать в зале под присмотром Сабины, а послезавтра одна. Твоя подруга давно не получала выходной, пора это исправлять.

– Ой, инора Эберхардт, да мне в радость работать рядом с вами, – почти пропела Сабина. – Я столько всего узнала за это время, что не перестаю благодарить Богиню, что она привела меня к порогу вашего магазина.

Глаза ее, потухшие от усталости к концу дня, теперь сияли искренним счастьем от предвкушения конца этой каторги. Я тоже оживилась.

– Что ж, – усмехнулась хозяйка, – у тебя сегодня еще будет возможность насладиться радостью сполна. Мне нужна помощь. Штефани я отпускаю, а тебя попрошу задержаться.

– Но, инора Эберхардт, я же только вчера… – начала было Сабина, явно раздосадованная просьбой.

– Срочный заказ, – спокойно ответила инора. – И это ненадолго, не волнуйся.

По Сабине было видно, что волноваться она продолжала, и даже очень, и с удовольствием поделилась бы радостью общения с нанимательницей с кем-нибудь другим. Слишком много оказалось для нее этой радости. Поскольку Сабина лишь бросила в мою сторону короткий недовольный взгляд, но не предложила заменить себя мной, я решила, что пока для этой цели не подхожу.

– Штефани, можешь идти, – повторила инора Эберхардт. – Хотя нет, постой. Думаю, аванс тебе лишним не будет.

– Да, инора Эберхардт, – обрадованно сказала я.

Аванс – это просто замечательно. Месяц на пустой каше, конечно, прожить можно, но очень невесело. Пожалуй, нанимательница мне начинает нравиться. Она не столь равнодушна, как может показаться на первый взгляд. Требовательна, конечно, но и внимательна. Тем временем инора достала несколько монет из кассы, тщательно их пересчитала, достала журнал, в котором сделала соответствующую запись, и лишь потом вручила мне деньги.

– Во всем должен быть порядок, – наставительно сказала она, ласково улыбаясь.

– Да, инора Эберхардт. Большое спасибо, инора Эберхардт. Вы очень заботливы, инора Эберхардт.

Внутренне я понимала, что сейчас почти полностью копирую поведение Сабины, но ничего не могла с этим поделать, настолько меня радовало, что этот бесконечный день закончился и пора отдохнуть, а главное, мне выдали деньги, пусть небольшие и в счет будущей зарплаты, зато не придется ни у кого занимать. Работодательнице моя благодарность пришлась по нраву, она

довольно щурилась, как кошка, которая хорошо поела и теперь сидит в тепле. Но это не мешало ей явно ожидать, когда же я наконец уйду. Я торопливо переоделась, туфли решила не менять, чтобы не задерживаться, а просто взяла старые с собой и совсем было собралась уходить, но вовремя вспомнила, что здесь остался еще один нерешенный вопрос. Ключей от квартиры у меня не было. Я повернулась к Сабине, и она тут же поняла мое затруднение

– Штеффи, ты запомнила, где квартира? – деловито спросила она меня. – Сможешь сама найти?

– Конечно, она же совсем рядом.

– Рядом-то рядом, – недовольно сказала Сабина и покосилась на инору Эберхардт. Видно, надеялась, что та ее все же отпустит, хотя бы меня проводить. – Но тебе придется сейчас выходить с черного хода, не заблудишься?

– Напиши ей адрес, – предложила инора. – И тогда не придется волноваться за Штеффи.

По Сабине совсем было не похоже, что она волновалась за меня, скорее – за свою квартиру. Адрес она мне написала, а ключ выдала с такой неохотой, будто у нее там хранились неисчислимые богатства, а не несколько ненужных платьев. И будто я могла их похитить и удалиться в неизвестном направлении.

– Завтра утром я за тобой зайду, – сказала она мне на прощание. – А пока можешь пользоваться всем, что там найдешь.

Я ее поблагодарила, попрощалась с ними обеими и выскочила на улицу с такой скоростью, что чуть не врезалась в молодого инора, который как раз проходил мимо. Он оказался довольно увертливым и успел не только отстраниться, но и приобнять за талию, что мне ужасно не понравилось. В приюте нам постоянно говорили о таких вот нахалах, которым только покажи слабину – и все, новое приютское пополнение готово. Руки он убирать не торопился. Считал, видно, что все, что в них попало, – это уже практически его собственность.

– Инорита от кого-то убегает? – чуть насмешливо спросил он. – Или просто наскакивает на зазевавшихся прохожих?

– Извините. Я не хотела вас напугать.

Мои слова были бы намного более искренними, если бы он наконец меня отпустил. Пальцы у него были неприятно жесткими, а взгляд такой изучающий, что я растеряла последнее чувство вины и стукнула его по руке пакетом со своими старыми туфлями.

– Пытаетесь добить? – усмехнулся он, но меня отпустил. – Меня свалившейся прямо в руки красивой девушкой не напугаешь.

Отвечать я ему не собиралась. Ни к чему мне вступать в разговоры с посторонними инорами, тем более что он мне совершенно не понравился. Не люблю людей с черными глазами. Мне кажется, по ним очень трудно понять, что же они в действительности думают. Мне нравится честность и открытость. Но инор не унимался и предложил пойти с ним в кафе в качестве компенсации за нанесенный ему ущерб. В доказательство он показал след от каблука на своем ботинке. Вполне возможно, что и от моего, с этим я спорить не стала, но компенсацию пусть получает с кого-нибудь другого. Уверена, недостатка в тех, кто ему согласен ее тут же вручить, он не испытывает. Опыт по обращению с девушками виден очень хорошо, ни малейшего смущения или скованности. Таких нужно сразу ставить на место, пока не решили, что победа у них уже в кармане.

– Я никуда не хожу с незнакомыми инорами, – холодно сказала я и повернулась к нему спиной, давая понять, что разговор наш окончен.

– Так давайте познакомимся. – Он опять непонятным образом оказался передо мной. – Рудольф…

– Я не собираюсь с вами знакомиться, – прервала я его. – Оставьте меня в покое, или я стражу позову.

– Стражу? – Он был удивлен. – Но я просто хотел вам представиться, что в этом такого страшного?

Сначала просто представиться, потом просто попить чаю в кафе, потом чего-нибудь покрепче в другом месте, а потом у него в квартире, желательно в спальне? Нет уж, в приюте нас учили, что к девушкам, которые заводят

знакомство на улице, и отношение соответствующее. Никакого уважения, особенно когда узнают, что мы незаконнорожденные и нет семьи, которая за нами стоит. Мы, девушки из приюта, можем рассчитывать только на собственный здравый смысл, и больше ни на что. Нам никто не придет на помощь в случае неприятностей. Это монахини не уставали повторять, и это твердо усвоено всеми воспитанницами.

Я шла и не оглядывалась, а то решит, что я кокетничаю, и не отстанет вовек. В таком поведении был и большой минус – я не знала, продолжает ли он идти за мной или свернул куда-то в поисках другой жертвы, более наивной. Нет уж, Штефани Ройтер никаких романов с первыми встречными заводить не собирается. Особенно если эти встречные ходят не по центральным улицам, а там, где находится черный вход в магазин. Вдруг он собирается этот магазин ограбить и высматривает, как это удобнее сделать? Конечно, на жулика он не похож, но когда это по внешнему виду можно было определить намерения? Да и внешность у него подозрительная. Темные волосы и глаза, легкая смуглость указывали на примесь лорийской крови или даже, не дай Богиня, орочьей. Нет, мне такие знакомства не нужны, даже если он полностью законопослушный инор.

Из задумчивости меня вывел запах свежего хлеба – я как раз проходила мимо булочной. И это было очень вовремя. Я вспомнила, что сегодня осталась без обеда, да и на ужин нужно что-то взять. Завтра выясню у Сабины, где здесь лучше покупать продукты, а сегодня можно и побаловать себя немного. У меня же день рождения, его нужно как-то отметить. Румяная добродушная торговка с таким счастливым видом складывала выбранные мной пирожки в бумажный пакет, словно их уже неделю никто не хотел брать. Но пакет жег руки так, что сомнения в свежести сразу отпали. Я украдкой огляделась, но наглого Рудольфа нигде не было видно. Не стал преследовать, понял, что от меня ничего не добьется. Вот что значит сразу взять правильный тон с мужчиной. Но спокойствие почему-то не приходило. Напряжение росло и росло. Я почему-то была уверена, что он за мной наблюдает. И вот это ощущение чужого взгляда очень тревожило. Защищенной я себя почувствовала только за закрытыми дверями Сабининой квартиры, точнее, уже моей. Защищенной, но очень уставшей. Я с облегчением сняла изрядно надоевшие туфли и отнесла пакет с пирожками на кухню. Есть хотелось ужасно. Но если я сейчас это сделаю, то захочется спать, а ведь еще убрать надо.

Глава 5

Я сменила платье на свое приютское и начала приводить в порядок место, в котором мне предстояло жить. Нет, тщательную уборку я отложила до своего свободного дня, но вытереть пыль и помыть пол было просто необходимо. Как любили повторять монахини – во всем должен быть порядок, если его нет вокруг вас, то и в голове не будет.

Для начала я осмотрелась в квартире, нанимательницей которой так неожиданно стала, пытаясь найти что-то для уборки. Пока у меня не было даже тряпки для пыли. Сабина наверняка бы заявила, что для этого как нельзя лучше подойдет мое приютское платье, так как его все равно больше ни для чего использовать нельзя. Но Сабина осталась в лавке, и слава Богине. Мы с ней никогда близки не были, не станем и сейчас. Даже за этот единственный день, что мы провели вместе, я от нее ужасно устала. Она постоянно меня поучала, цедила высокомерные фразы с таким видом, как будто облагодетельствовала на всю оставшуюся жизнь, и лебезила перед нанимательницей. Можно подумать, она сама два года назад не носила такую же одежду, какая была на мне при выходе из приюта, а родилась сразу такой – в ярких воздушных платьях и туфлях на высоком каблучке! Нет, она про это благополучно забыла, оставила все воспоминания за кованой калиткой со скрипучими петлями. Даже странно, что вообще обо мне вспомнила. Видно, слишком долго не могли найти никого для работы в лавке, вот и выплыла у нее из глубин памяти подходящая кандидатура в моем лице. А как срок аренды на эту квартиру закончится и точек пересечения наших интересов, кроме работы, не останется, она полностью потеряет интерес к моей персоне. Но и на работе пересечение будет не слишком частым – насколько я поняла, в магазине иноры Эберхардт продавщицы работали посменно и почти друг с другом не встречались.

Я чувствовала себя непривычно без окружения приютских девочек и надзора монахинь. Впервые с начала моей жизни я осталась совсем одна. Не было никого, кто бы мне указывал, что нужно делать, но не было и никого, к кому можно обратиться за советом или поддержкой. Теперь я могла рассчитывать только на себя, и это немного беспокоило. Беспокойство не уходило, а лишь росло. Вспомнился этот странный инор, на которого я налетела, уходя из магазина, но я решила, что подумать о нем можно и потом, а пока надо перестать нервничать и разобраться с тем, что мне досталось от Сабины. Оказалось, досталось не так уж и много. В шкафу, кроме тех платьев, что я уже видела, и нескольких пустых вешалок, больше ничего не было. Даже смены

постельного белья – кровать была застелена покрывалом, но подушка оказалась без наволочки, а одеяло вообще отсутствовало. Я порадовалась, что не послушалась Сабину и не бросила набор вещей, выданный мне в приюте. Если без простыни как-то еще обойтись можно первое время, то без одеяла по ночам уже холодно.

На полке над кроватью стояли несколько потрепанных томиков с яркими парочками на обложках. Их, пролистнув, я поставила назад. Все эти «…он страстно впился в ее губы поцелуем» меня мало занимали, мне нужно устроиться в этой жизни и помочь Регине, а подобными глупостями пусть занимаются те, о ком заботятся близкие. Уверена, что книги эти не Сабинины – она себе голову забивать такой ерундой не стала бы, поэтому и не забрала романы. Может, хозяйские или остались от прежних жильцов. В комнате рассматривать больше было нечего, и я пошла дальше.

На кухне в маленьком шкафчике меня ждали две повидавшие виды кастрюльки и кружка с отбитой ручкой. В банке, наполовину заполненной солью, торчала ложка. И больше ничего. Даже ножа не было. Положим, сегодня он мне не понадобится, но завтра нужно будет купить, и хотя бы одну тарелку – из кастрюли есть совсем неприлично. Артефакт на плите оказался разряжен, но у меня не было ни сил, ни желания им заниматься, так что я отложила заполнение его энергией на потом. На столе стоял пакет с купленными по дороге пирожками и пах так, что хотелось отложить все и не мучить себя. Я не выдержала, достала один и с наслаждением откусила кусочек. Все равно, пока тряпку не нашла, можно и отвлечься. Желудок вцепился в предложенную пищу, как голодный кот в мясной обрезок, и так же довольно заурчал. Второй пирожок я брать не стала, хоть и были они необыкновенно вкусными – в приюте столько начинки не закладывали, там была лишь тоненькая прослойка внутри теста, не более.

Тряпка нашлась в душевой. Роль ее исполняла юбка от приютского платья. Я невольно усмехнулась – Сабина не стала выбрасывать такое неприятное воспоминание о своем прошлом, хотя от меня этого потребовала. Здесь же оказался еще и рукав, все остальные детали отсутствовали. Возможно, хозяйка выбросила, а возможно, вовсю использует в своей новой квартире – приютские платья крепкие, вон, за два года мытья пола не порвалось, и даже цвет при некотором желании можно разобрать. Но для уборки мне хватило и этих остатков. Нельзя сказать, чтобы после нее все блестело, но пыли не осталось, пол стал чистым, покрывало я вытряхнула. Вот ему не помешала бы стирка, но у меня никакого моющего средства не было – не входил этот столь необходимый

предмет в набор, что вручила мне сестра-кастелянша. В душевой нашелся крошечный кусочек душистого мыла, но его я использую на себя, а не на покрывало. Оно может подождать, а я – нет.

Принимать душ, когда тебя никто не торопит и можно вволю постоять под горячими струями, оказалось настоящим удовольствием. Сабинино мыло пахло сиренью и весенним солнцем и давало густую легкую пену. Скорее всего, это был не обмылок, а один из тех пробников, что выдавались в лавке иноры Эберхардт при покупке на определенную сумму. Сабина говорила, что иногда покупательницы отказываются, тогда подарочный образец она с чистой совестью брала себе. Полотенца у меня не было, не было его и в квартире, пришлось ночную сорочку надевать прямо на влажное тело. Стало немного зябко, и я решила подзарядить накопитель на кухне, чтобы подогреть воду и пить с пирожками горячее. Хорошо бы, конечно, чай, но заварки тоже нет. Нужно будет купить завтра. Список того, что необходимо, все рос и рос, аванса иноры Эберхардт на все не хватит. Нет, чай пока подождет.

Есть в одиночку было скучно. Таких вкусных пирожков в нашем приюте не делали, зато ужин всегда сопровождался легким перешептыванием, обсуждением того, что случилось за день. И еще – я непременно бы поделилась с Региной, мне казалось несправедливым по отношению к ней наслаждаться в одиночку вкусностями. А сейчас даже поговорить было не с кем, хотя за сегодня со мной столько всего произошло – намного больше, чем иной раз со всем приютом за месяц. Я завернула пакет с оставшимися пирожками, завернулась сама в приютское одеяло, легла на кровать и даже глаза закрыла. Как ни странно, спать не хотелось, хотя я и чувствовала ужасную усталость. Но для сна требуется спокойствие, а оно не приходило. Я перебирала в памяти события прошедшего дня, и мне почему-то опять вспомнился этот черноглазый Рудольф и его руки на моей талии. Нет, все же наглый тип, правильно я сделала, отказавшись с ним знакомиться. Не такой мне нужен. Возможно, сыграли свою роль любовные романы на полочке или вот эти тревожащие воспоминания о мужских руках, уверенно прикасающихся ко мне, но я невольно задумалась. А каким он должен быть, тот, кого я рано или поздно захочу видеть рядом с собой? Таким, чтобы был совсем непохожим на этого Рудольфа. А значит – светловолосый, сероглазый, типичный гармец. И улыбка у него должна быть особенная, только для меня, а не отработанная на множестве девушек… Я закрыла глаза и начала представлять в деталях, как будет выглядеть тот, кого мне пошлет Богиня. Образ вышел таким четким, что, казалось, сейчас раздастся громкий стук в дверь и уверенный мужской голос скажет: «Здесь живет Штефани Ройтер? Я пришел, чтобы жениться на ней!» При этой мысли я

невольно хихикнула и тут же испуганно вздрогнула, когда в дверь действительно постучали. Но испуг прошел сразу. Ведь это Сабина пришла узнать, как я здесь устроилась. Она же выглядела такой неуверенной, когда ключ давала. Наверное, хотела еще что-то сказать, да присутствие иноры Эберхардт помешало. Я даже испытала что-то вроде легкой признательности этой девушке и дверь открыла, даже не задумавшись ни на миг. А зря. Потому что за дверью была не Сабина, а совсем неизвестный мне молодой инор. Неизвестный, но настолько похожий на то, что я только что представляла, что я несколько растерялась. На миг даже показалось, я смогла материализовать свою мечту, настолько он ей четко соответствовал. Светловолосый, сероглазый, почти такой, как я себе нафантазировала. Не сказать чтобы красавец, нет, для этого не хватало классической правильности черт, но очень обаятельный. Наверное, когда улыбается, совсем неотразим. Только сейчас он не улыбался, а был нахмурен, и первое, что сказал:

– Вы кто, инорита? И где Сабина?

Разочарование, которое я испытала, было просто ужасным. Нет, я не думала, что Богиня прямо сразу расщедрится и пошлет мне все, что я сама себе придумаю. Но с ее стороны было жестоко отправить этого инора искать здесь Сабину. Если ему она настолько нужна, то пусть идет туда, где она сейчас бывает много чаще, чем здесь. Во мне теплилась крохотная надежда, что этот сероглазый инор ей совсем чужой, а пришел просто по-соседски, ложку занять или, скорее, вернуть, если учитывать их нехватку в квартире. Конечно, это выяснится прямо сейчас, но для начала нужно ответить ему на только что заданный вопрос.

– Она здесь больше не живет, – пояснила я. – Она теперь живет у мужа, а квартиру сдает мне.

Вид у меня был донельзя глупый. С босыми ногами, с наброшенным на плечи приютским одеялом неопределенного цвета и с ночной сорочкой, грубый подол которой выглядывал снизу и совсем не украшал мой облик. Совсем не так я хотела первый раз показаться тому, кто, казалось, так и вышел прямо из моей мечты.

– Да, Сабина говорила, что собирается сдать квартиру, – сказал он и даже мне улыбнулся, хотя беспокойство с его лица никуда не ушло.

И улыбка у него была такая, что сердце мое ухнуло куда-то в район босых ног, да там и осталось, не желая больше подвергаться подобным испытаниям.

– Только дома ее нет, – продолжил он. – Вот я и подумал, вдруг она сюда забежала. Извините, инорита, я должен был представиться. Петер Гроссер, муж Сабины.

Вздох разочарования мне удалось удержать с большим трудом. Жаль, что он не пришел вернуть ложку, как я надеялась до последнего. Теперь я понимала, почему Сабина, мечтавшая о богатом муже, вышла за того, у кого денег, по ее представлению, совсем нет. Петер выглядел таким родным, таким надежным, что у нее просто не оставалось другого выхода. Понимала, но, Богиня, как бы мне хотелось, чтобы она не столь безответственно относилась к собственным мечтам, а искала бы до сих пор кого-нибудь побогаче. Вслух я ничего подобного говорить не стала. Чужой муж – это навсегда, ничего тут не исправить. Пусть я даже мечтала о нем до его прихода.

– Штефани Ройтер, – отрекомендовалась я. – Может быть, Сабина до сих пор в лавке? Инора Эберхардт попросила ее задержаться после работы. Там срочный заказ был.

– Да я там был, – расстроенно сказал Петер. – Только все закрыто. И магическая охрана работает, а это значит, что в здании никого, кроме иноры Эберхардт, нет.

– Так, наверное, вы просто разминулись с Сабиной, – высказала я предположение. – И пока вы здесь бегаете ее ищете, она уже дома и беспокоится о вас, инор Гроссер.

Я даже попыталась ему ободряюще улыбнуться, насколько у меня это получилось, конечно. Уж очень не располагала ситуация к улыбкам. Мне ни на миг не удавалось забыть ни о своем ужасном виде, ни о том, что передо мной – чужой муж.

– Для вас – Петер, – галантно сказал он. Улыбка у него в этот раз получилась несколько кривоватая, но настолько более живая, что сердце, пытавшееся вернуться на свое законное место, опять ухнуло куда-то вниз. – Хотелось бы, чтобы вы оказались правы, только это не первый раз, когда она вечером пропадает непонятно где, а потом говорит, что была у иноры Эберхардт.

– Может быть, они закончили этот самый срочный заказ, из-за которого Сабина задержалась, и она понесла крем, или что там получилось, клиентке?

Поверить в то, что Сабина, едва успев выйти замуж, начала изменять своему мужу, я не могла. Нельзя сказать, чтобы она не была на такое способна. Тут у меня сомнений не возникало – была. Но не в этом случае – если она за Петера вышла, значит, любит его намного больше, чем деньги. А вот если бы она вышла за деньги – тогда да, тогда могла и бегать на сторону. Вариант, что она бегает на сторону за деньгами, я отвергла сразу – тогда Сабина не стала бы задерживаться в косметической лавке, работа ей явно не была в удовольствие.

– Она так и говорит, когда поздно приходит, – грустно ответил мне Петер. – Но это слишком часто бывает.

Я сочувственно на него посмотрела. Больше никаких предположений о том, где может быть его жена, у меня не было. Слишком мало я ее знала. Да и то, что знала, вполне могло измениться за те два года, что прошли с ее ухода из приюта. Сегодняшний день не в счет – мы общались только по делу, и от меня она была столь же далека, как и раньше. И о своих планах на этот вечер, если они у нее и были, ничего не говорила. Впрочем, она очень расстроилась, когда инора Эберхардт попросила ее задержаться после работы. Но кто знает, что было причиной этого? Может, как раз желание побыстрее вернуться к мужу? Я бы от такого и уходить не хотела…

– Извините, Штефани, – покаянно сказал Петер, – вам наши проблемы ни к чему. Не говорите Сабине, что я здесь был, хорошо?

– Хорошо.

– А то я выгляжу ревнивым болваном. – Он опять улыбнулся.

Его слова неприятно царапнули меня по сердцу. Ревнует – значит, неравнодушен. Значит, рядом с ним она чувствует себя не одинокой, а очень нужной и любимой.

– Вовсе нет, – горячо запротестовала я. – Что плохого в том, что муж беспокоится за свою жену? Время позднее, мало ли что может случиться.

– В самом деле, время позднее, – смущенно сказал Петер. – Вы уже спали, наверное, а я так бесцеремонно ворвался, разбудил вас. Спокойной ночи, Штефани. Рад был познакомиться с вами. Жаль, что мы раньше не встречались.

А уж как мне жаль! Я закрыла дверь и оперлась на нее спиной. Ноги не держали. В мыслях творилось сущее безобразие. Мне казалось, что это какая-то жестокая шутка. Почему, ну почему Богиня послала ему встречу с Сабиной раньше, чем со мной? А меня столкнула с каким-то Рудольфом?

Глава 6

Сабина зашла за мной поутру, как обещала, и вид при этом имела довольный и выспавшийся. Ничего не указывало, что вчера ночью ее искал встревоженный муж, который не знал, что и думать про ее отсутствие. Что ни говори, не очень красит ее такое. Вот если бы хоть кто-нибудь обо мне так волновался, то я бы постаралась не давать лишнего повода для беспокойства. Но Сабину занимало совсем другое.

– Опять ты свое платье напялила, – недовольно сказала она. – Я же тебе говорила – бери мои. В твоих ходить – только позориться! Экое убожество! Инора Эберхардт будет очень недовольна, если ты нанесешь урон репутации ее магазина.

Мысль о том, что придется ходить в ее обносках, пусть и хорошо выглядящих, неожиданно оказалась для меня очень неприятной. Я никогда не была особенно привередлива в одежде, да и откуда взяться этой привередливости – монахиням наше мнение о том, что мы хотим надевать, было неинтересно. Платья должны быть немаркими и долговечными, а остальное не имеет никакого значения – пошиты ли они в монастыре или подарены добросердечными горожанками, чьи дети настолько выросли, что никакие запасы ткани, отложенные на швах, не помогают удлинить это унылое одеяние. Такие дары иной раз выглядели много хуже приютской одежды. Но, поди ж ты, носила, и не жаловалась никогда, и даже не думала, что это до меня уже прилично пообтерли. А сейчас внезапно обнаружилось, что не хочу чужого, и все тут, даже если оно такое, относительно новое, яркое и красивое. И пахнет цветочными духами. Достаточно того, что

живу в квартире, где жила до меня Сабина. А все остальное свое пусть оставляет себе. Мне после нее ничего не нужно.

– Мы же все равно с заднего крыльца будем заходить, – ответила я, – а потом переодеваться. Так что никто мое убожество не увидит. Из клиенток магазина, конечно.

– Штеффи, ты не нищенка, – Сабина закатила глаза к потолку, подчеркивая мою тупость и нежелание принять очевидное. – Учти, мне с тобой тоже неприятно ходить рядом, если ты так вот выглядишь.

– Так мы никуда и не собираемся, – упрямо ответила я. – И потом, моя одежда целая, чистая и аккуратная, так что на нищенку я никак не похожу.

Сабина недовольно фыркнула, как застоявшаяся лошадь, и почти так же упрямо вздернула голову. Отступать от намеченной цели она не собиралась.

– Штеффи, тебе же нужно как-то свою жизнь будет устраивать, – зашла она с другого бока. – Так вот, в этом платье ни один приличный инор даже не посмотрит второй раз в твою сторону.

Если она хотела меня этим убедить, то просчиталась. Ей-то хорошо говорить, у нее есть Петер, второго такого точно нигде нет. Недаром Сабина вцепилась в него сразу, хоть и мечтала всегда исключительно о богатом муже. Уж на что мы мало общались с ней в приюте, но такую подробность даже я знала.

– Пока мне никакие иноры не нужны. Так что пусть даже первый взгляд себе оставят. А одежду я буду носить свою.

– Штеффи, мне эти платья все равно не пригодятся, – почти просительно сказала Сабина. – Почему я не могу отдать их своей лучшей подруге? Просто так, по-дружески, как помочь тебе устроиться в лавке иноры Эберхардт. И тогда это получается твоя одежда. Ты же не откажешь мне в такой ерунде, как принять в дар ненужные мне вещи?

Слова о том, что я внезапно оказалась Сабининой лучшей подругой, меня настолько поразили, что я неожиданно для себя кивнула, тем самым

согласившись взять себе ее старую одежду. Внезапно мне даже стыдно стало. Ведь мое нежелание что-то брать у нее объяснялось очень просто. С чего я вдруг вчера размечталась о мужчинах, да еще и начала представлять себе ее мужа? Никогда за мной такого не водилось, не стоит витать в облаках и дальше. Я просто не имею права чувствовать себя обиженной на нее из-за того, что мои мечты разбились о реальность. Я молча начала переодеваться, Сабина села на стул и нетерпеливо крутила головой по сторонам, придирчиво изучая обстановку. Не знаю, что такого ужасного она хотела найти в квартире, в которой я провела всего одну ночь, но меня опять начало захлестывать чувство неприязни к ней.

– Здесь же даже простыни нет, – взгляд Сабины упал на подушку. – Извини, я совсем забыла. Вечером зайдем ко мне, я тебе постельное белье дам.

– Да не надо, – попыталась я отказаться. – Ты и так для меня столько сделала. На работу устроила, жилье дала. И одежду выделила.

– Так я же не просто так, – заметила Сабина. – Это мне и самой было нужно. Квартиру абы кому я сдать не могу – у хозяйки лежит залог, который она мне не вернет, если что-то не так будет. Да и в лавке я больше недели в одиночку работаю. Инора Эберхардт, конечно, замечательная, – тут она восторженно закатила глаза, как я заметила, это у нее было обязательным ритуалом при любом упоминании имени хозяйки, – но без выходных очень тяжело. А она непременно вторую продавщицу с Даром хотела. Да кто с Даром пойдет на такое место?

– А что с ним не так? – настороженно спросила я.

– Да все так, – глаза Сабины забегали по полке с книгами. Не думаю, что они настолько привлекли ее внимание, что она никак выбрать не могла, что же взять почитать. – Просто у людей с Даром выбор побольше, и не всем хочется быть на побегушках. А инора Эберхардт очень заботливая, вот увидишь, она тебе за зарядку накопителей еще доплачивать будет, не то что эти монахини.

– Доплачивать? – недоверчиво переспросила я.

– Моей сменщице доплачивала, – твердо ответила Сабина и наконец на меня посмотрела. Взгляд у нее был кристально чистый. – И неплохо. Не всякому с

Даром удается столько заработать.

– Почему же та девушка ушла? – недоверчиво спросила я. – Если у нее все было так хорошо.

К выходу я была полностью готова, но Сабина зачем-то поправила шнуровку на теперь уже окончательно моем платье, перед тем как ответить.

– По личным причинам, – многозначительно протянула она. – Я не уверена, что имею право тебе об этом рассказывать. И ты лучше не расспрашивай инору Эберхардт, а то она расстроится.

По дороге я пыталась выяснить, что же заставило мою предшественницу расстаться со столь замечательным во всех отношениях местом, но Сабина так и отделывалась односложными, ничего не говорящими многозначительными выражениями, предоставляя мне полное право думать на этот счет все, что угодно. Подошли мы с черного хода. Спутница моя с гордым видом приложила руку к двери, руку ее тут же окутала легкая сиреневатая дымка охранного заклинания, видимая только магам, признала своей, исчезла, а дверь приглашающе распахнулась с легким щелчком.

– На тебя тоже настроят, – небрежно бросила Сабина.

Внутрь помещения она устремилась с необычайно деловым видом. Похоже, что она в этот момент чувствовала себя хозяйкой, примеряла эту роль на себя и испытывала особое удовольствие. Дальнейшее ее поведение все больше убеждало меня, что Сабина мечтает занять место иноры Эберхардт. Только не именно это место, а что-то подобное. Где можно деловито давать указания подчиненным и ощущать себя очень важной птицей. И вела она себя так, что невольно казалось – место это уже есть, просто ждет, пока Сабина наберется достаточно опыта и займет его. В ее действиях была не мечтательность, а твердая уверенность. Только откуда она взялась? Жалованье здесь хотя и хорошее, но недостаточное для того, чтобы открыть свое дело даже лет через двадцать строжайшей экономии. Муж ее не выглядел человеком обеспеченным. Сегодня я уже совсем не понимала, что на меня вчера нашло. Воспоминания поблекли, потерлись, и Петер этот не казался столь желанным, как при первом взгляде. Да, милый, но не более. И к тому же – чужой муж.

– Вот здесь энергию пополнить пора, – прервала мои размышления Сабина, – займись, пока клиентов нет.

И вид у нее при этом был такой важный, что возникало желание тут же бежать и делать. Но я в себе подобные порывы научилась давить очень рано, иначе за день так устанешь, что сил ни на что больше не останется.

– Инора Эберхардт скажет, займусь, – невозмутимо ответила я. – Может, она этот артефакт планирует выбросить и только и ждет, когда он опустошится?

Мой отказ мигом вернул Сабину на землю. И из хозяйки она стала такой же продавщицей, как и я.

– Ну ты и скажешь! – хохотнула она. – Кто же будет выбрасывать артефакты? Особенно такие.

Артефакт действительно был красив сам по себе. Старинный, выполненный в виде резного деревянного украшения, за которым прятался накопитель и емкость для пыли – ее артефакт вытягивал из торгового зала. Да уж, вручную тут каждую баночку пока протрешь – день пройдет. А так только высыпать содержимое – и можно заниматься чем-то другим, более полезным для хозяйского кармана.

– Мало ли, – усмехнулась я ей в ответ. – Может, такая форма давно из моды вышла и позорит эту лавку почище моего старого платья.

– Старинные артефакты всегда в цене, – возразила Сабина. – Даже если он не действует, то все равно может являться украшением помещения.

– Вот-вот, – подтвердила я, – а для работы возьмут что-то поновее.

Мы перешучивались, я изредка посматривала в сторону двери, за которой была лестница, ведущая на жилой этаж. Но инора Эберхардт так и не спускалась. Сабина говорила, что хозяйка после срочных заказов иной раз хорошо если к обеду появляется, но мне казалось странным, что та даже проверять ничего не хочет, все оставляет на наемных работников. Вот что мне мешает сейчас сгрести все с витрины и уйти? Пока она спохватится, я на другом конце страны буду!

Нет, я, конечно, так не сделаю, но инора Эберхардт этого не знает. Странно это – доверять такие ценности посторонним людям. Я не выдержала и озвучила свои сомнения Сабине.

– Товар слишком специфический, – ответила она мне сразу. Причем так, что я поняла, сама она тоже над этим задумывалась. – Покупательниц можно найти только в крупных городах. По нормальной цене продать не удастся, поэтому кража бессмысленна, и инора Эберхардт это понимает. Да и основной доход у нее идет не с этого, – Сабина кивнула на витрину, – а с этого, – взглядом указала на пол, где была рабочая комната, в которой мне, так же как и наверху, побывать пока не довелось. – Но все равно, учти, проверяет она вечером так, что медяшка не проскочит.

Перезвон артефакта, сигналящего о появлении первой клиентки, заставил ее мгновенно замолчать и нацепить на лицо счастливую улыбку, которая несколько подувяла, когда вместо ожидаемой прилично одетой богатой дамы в дверном проеме появился инор. Слишком молодой инор, чтобы интересоваться косметическими ухищрениями для борьбы со старением кожи. И слишком красивый, чтобы искать здесь средства для борьбы с недостатками кожи. Тот самый, что встретил меня вчера при выходе из лавки иноры Эберхардт у черного крыльца.

– Лорд желает приобрести что-то любимой? – защебетала Сабина, на лицо которой вернулась счастливая маска.

На лорда вошедший не походил, так что я поняла это как желание подольститься к отдельно взятому инору. Я вспомнила, что и вчера она обращалась ко всем вошедшим дамам подобным образом, подчеркивая их аристократическое происхождение, и ни одна ее не поправила, каждая раздувалась от гордости, что ее приняли за леди. Но Рудольф раздуваться не спешил, он улыбнулся почему-то мне и сказал:

– Нет, я хочу купить что-то в подарок маме. Что вы можете мне посоветовать?

Сабина начала перечислять кремы, подходящие матери такого взрослого сына, но делала это как-то без огонька, который сразу появлялся в ее глазах, когда она чувствовала, что клиентка была готова расстаться с большой денежной суммой ради собственной внешности. Платежеспособность этого клиента пока

была под вопросом.

Перезвон артефакта раздался еще раз, и в зал вплыла дородная инора. Сабина оживилась, подпихнула меня навстречу Рудольфу и заявила:

– Пожалуй, Штефани вам расскажет намного лучше, чем я, – и устремилась навстречу потенциальной прибыли, сразу позабыв про новоявленного «лорда».

– Штефани, – улыбнулся он мне и чуть насмешливо приподнял брови, – а чем это вы так недовольны, что смотрите на меня как на злейшего врага? Я же не пришел у вас что-то отбирать, а напротив, хочу оставить в вашем магазине пару золотых монет.

Пару? Это он явно погорячился. Таких дешевых товаров у нас нет. Разве что мыло? Да, на мыло ему точно хватит. Я постаралась скопировать улыбку Сабины. Не знаю, насколько хорошо это у меня получилось, покупатель смотрел на мои попытки принять вид, подобающий продавцу, с большим интересом.

– Я просто счастлива, лорд, что могу вам помочь в выборе подарка для вашей драгоценнейшей матушки. Но если вы ограничены столь небольшой суммой, то я даже и не знаю, что можно вам предложить.

– Намекаете, что в моем кошельке не хватит денег, Штефани? – усмехнулся он. – Как-то вы неправильно клиентов привлекаете. Вы рассказывайте, а я уж решу, что мне по средствам, а что – нет.

Рассказывала я ему почти без запинки. Думаю, инора Эберхардт одобрительно отнеслась бы к моему сольному выступлению. А вот Рудольфа, похоже, больше привлекала я, чем то, о чем я говорю. По его лицу бродила довольная улыбка, он постоянно задавал дополнительные вопросы, иной раз весьма каверзные. Ответ на один из них мне даже пришлось искать в буклетике. Больше всего это походило на экзамен, в приюте нас спрашивали на них довольно строго и поблажек не делали. И этот инор расспрашивал весьма пристрастно, видно, хотел отыграться за то, что вчера ему так и не удалось со мной познакомиться. Что ж, сегодня он не только узнал мое имя, но и удостоился беседы. Пусть радуется. А я порадуюсь, когда он наконец уйдет. Сабина к этому времени отпустила двух покупательниц и пару раз посмотрела в нашу сторону, но подходить не торопилась. Клиент, на ее взгляд, был бесперспективный, а

значит, и время на него тратить не стоит.

– И что прекрасная инорита делает сегодня вечером после работы? – чуть понизив голос, неожиданно спросил Рудольф. – Если мы так удачно познакомились и даже беседуем так долго, почти как близкие друзья, то просто преступлением будет не развить наше знакомство. К сожалению, мне уже уходить пора, а вы еще так много интересного не рассказали. К примеру, вот этот крем так и остался для меня загадкой.

Он ткнул пальцем зеленую баночку, отделанную золотистыми нитями. Крем для очень пожилых дам с явно выраженными морщинами.

– Я могу вам буклет с собой дать. – Я постаралась произнести это как можно вежливее, хотя внутри все от злости кипело и хотелось ему этим буклетом по голове стукнуть, а еще лучше – не буклетом, а тем самым антикварным артефактом, что мне предлагала подзарядить Сабина. Он был такой тяжеленький даже на вид, а уж на голове Рудольфа смотрелся бы просто изумительно, особенно если бы контейнер с пылью опустошился. – Я понимаю, что наша продукция столь хороша, что выбрать что-то необычайно сложно. Но продажами мы занимаемся только в то время, что указано на вывеске.

– А если не продажами, а только консультациями? – заинтересованно спросил он.

– И консультациями тоже, – безуспешно пытаясь удержать на лице убегающую улыбку, ответила я и протянула собеседнику буклет. – Как я понимаю, сейчас у вас нет времени на покупку, но, надеюсь, изучив дома все это внимательнее, вы поймете, что лучше косметики иноры Эберхардт в нашем городе вам ничего не найти. Возможно, она для вас несколько дороговата, – позволила я себе шпильку, – но вы платите за то, что в другом месте не получите ни за какие деньги.

– Я вашей рекламой сегодня объелся, – почти прошептал он мне на ухо. – Но вот если вы согласитесь сегодня со мной поужинать, то я уверен – мне удастся сделать правильный выбор из всего того великолепия, что здесь представлено.

Если судить по тону, то выбор Рудольф уже сделал, причем совсем не из продукции, представленной на витринах, смотрел он только на меня и ответа

ожидал положительного. Но я не настолько желала увеличить банковский счет иноры Эберхардт, чтобы пытаться продать ее кремы еще и после работы. Ответила я ему очень холодно, дав понять, что с ним никуда не пойду ни сегодня вечером, ни в какой-либо другой день. Он мне еще раз выразительно улыбнулся перед уходом, но буклет взял.

– Ничего не купил? – почти сочувственно спросила Сабина. – Впрочем, по нему видно было сразу, что он – не покупатель, а просто на тебя запал. Непонятно только, почему его сюда занесло.

– Я вчера с ним на улице столкнулась, – неохотно пояснила я, – когда отсюда уходила.

– Тогда он еще появится, – глубокомысленно сказала Сабина. – Нет чтобы тебе на кого поприличнее наткнуться было…

– Те, кто поприличнее, не ходят по задворкам, – ответила я. – Уверена, что ты своего мужа встретила совсем не там.

Не знаю, с чего я вдруг о нем заговорила, уж очень мне хотелось увести беседу подальше от обретенного мной поклонника. И у меня это получилось.

– Да, – мечтательно заулыбалась Сабина. – Мы с ним познакомились здесь. Инора Эберхардт пригласила его заполнить накопители.

– Так он маг?

Сначала я немного удивилась, а потом вспомнила, как он говорил о включенной магической охране лавки иноры Эберхардт, а ведь это видно только людям с Даром. Так что могла бы это и вчера понять. Так нет же, уставилась в прекрасные серые глаза и остатки мозгов растеряла.

– А ты думала! – гордо ответила Сабина. – Он даже Академию закончил. Только вот приходится ему перебиваться такими мелкими заработками, не может найти ничего приличного в столице, а уезжать отсюда не хочет. Говорит, не представляет жизни без Гаэрры.

Ее слова меня очень удивили. Чтобы маг, закончивший Академию, не нашел лучшей подработки, чем заполнение накопителей? Никогда бы не подумала…

– А специальность у него какая?

– Алхимик, – ответила Сабина намного менее охотно, посмотрела на мое удивленное лицо и пояснила: – Петер слишком независим, не любит подчиняться, нигде долго не задерживается. Ему бы что-то свое, тогда, уверена, он бы развернулся. Он очень талантлив, наверняка его ждет большое будущее. Но все упирается в проклятые деньги.

Мне было странно слышать, что маг, да еще и алхимик по специальности, не может найти подходящей работы. Получается, живет он за счет Сабины? Я с сомнением посмотрела на чуть нахмурившуюся от неприятных мыслей девушку – не похоже, чтобы она была из тех, кому любовь полностью застилает глаза и кто согласен кормить и поить супруга в надежде на то, что это вскоре окупится, когда гений себя наконец проявит. Значит, есть у ее мужа какой-то источник дохода, о котором она говорить не хочет. Возможно, не слишком надежный или не слишком законный…

Глава 7

Инора Эберхардт спустилась раньше, чем предполагала Сабина. Посмотрела наши записи, послушала, как мы вдвоем нараспев расхваливаем покупательницам товар, довольно заулыбалась и опять ушла наверх. Досыпать, наверное, – Сабина говорила, что обычно в такое время хозяйки внизу не бывает. Но и без постоянного надзора было достаточно тяжело. Как ни странно, работа на фабрике у меня не требовала таких усилий, как здесь. Казалось бы, что проще – улыбайся да пытайся всучить побольше жизненно важной косметики иноре, которая пришла сюда в погоне за убегающей молодостью. Но улыбка, которая шла не от души, а по необходимости, требовала от меня сил намного больше, чем стояние за ткацким станком. Там хоть можно напевать что-нибудь или переговариваться. А еще мне казалось, что нечестно просить такие деньги за какие-то жалкие притирания для лица. Сабина, с которой я поделилась сомнениями, насмешливо сказала:

– Если они готовы платить, то нам-то с чего переживать об их кошельках? Уверяю тебя, они последний кусок изо рта детей не вытаскивают, чтобы здесь что-то купить. И покупают они потому, что это нужно им, и очень нужно. Услуги магов-косметологов много дороже, да иной раз приводят к таким последствиям… Как-то при мне прибегала одна из постоянных клиенток после коррекции магией, буквально рыдала, артефакт, меняющий внешность, отключать ни в какую не желала, но требовала, чтобы инора Эберхардт «сделала хоть что-то с этим», – последние слова Сабина проговорила высоким писклявым голосом, видно, имитируя ту самую жертву магов-косметологов. – Нет, Штеффи, мы им нужны. Нужны намного больше, чем они нам. Для многих клиенток нашей хозяйки иметь молодое и красивое лицо жизненно необходимо, это вывеска, за которую платят. Да и вообще, с чего ты о них распереживалась? На нашу долю особой жалости не досталось, между прочим. Так что и нам нечего думать о других, своих проблем хватает. Тебе деньги не лишние, нет? Я-то прекрасно помню, как мне выживать после приюта пришлось. И никто, никто мне не помогал! Так что переживать нужно о своих деньгах, запомни это…

Она возмущенно фыркнула и хотела еще что-то добавить, но перезвон сигнального артефакта возвестил о приходе новой клиентки, Сабина привычно нацепила на лицо улыбку искренней радости и устремилась навстречу чужим деньгам, часть из которых после покупки косметики становилась Сабиниными. Вошедшая дама была одета совсем не так, как большинство приходивших при мне сюда покупательниц. Строгое неяркое платье, украшений совсем немного, но напарница так угодливо вертелась перед ней, что сразу стало понятно – рассчитывала на прибыль. Дама не особо велась на уговоры. Она разглядывала сверкающие баночки с кремами с таким видом, что казалось – перед ней взад-вперед пробегает вереница тараканов, да еще останавливается и неприличные пляски устраивает. Во всяком случае, брезгливость на ее лице была хорошо заметна.

– Это все не то, что мне нужно, – процедила она наконец. – Я говорила продавщице, – она бросила взгляд в мою сторону, поморщилась, – другой, рыженькой такой, что хочу заказать. Она говорила, что чего-то для этого не хватает, и обещала доставить, когда сделают. Но времени прошло очень много.

Под ее холодным обвиняющим взглядом поежилась даже я. Представляю, каково было Сабине, стоящей с ней рядом. Но Сабинина улыбка не померкла даже на миг.

– Мне так жаль, – с четко дозированной печалью в голосе ответила она, – что Марта настолько безответственно отнеслась к своим обязанностям. В журнале записи о вашем заказе не было. Если бы это было не так, то заказ был бы уже выполнен и доставлен, так как с того времени, что она здесь не работает, были две поставки и…

– Меня это волнует крайне мало, – прервала ее покупательница. – Ваши внутренние проблемы оставьте себе.

– Я могу записать ваш заказ в журнал, – пролепетала Сабина, не переставая улыбаться. – И мы сразу же все вам доставим, когда будет сделано.

– Я хочу поговорить с хозяйкой, – отрезала дама. – Пригласите ее. Нет у меня доверия к таким фифам, как вы. У всех вас слишком короткая память.

Сабина очень заметно покраснела.

– Инора Эберхардт в это время никого не принимает, – попыталась она втолковать покупательнице. – Я запишу прямо при вас, чтобы вы были уверены в том, что запись сделана. Инора Эберхардт всегда эти записи просматривает.

– Да ну? – Покупательница скривила тонкие губы в презрительной гримасе. – Прошлый раз тоже при мне записывали, и что? Где мой крем?

– Не может того быть, – уверенно ответила Сабина, прошла к стойке, достала толстенную тетрадь и раскрыла ее. – Вот, посмотрите. У нас с начала года ни одного невыполненного заказа. Все сделано и разнесено. Видите? Напротив каждой записи есть пометка о том, в каком состоянии заказ.

– Та рыжая не в эту книгу записывала, – дама мазнула взглядом по заметкам, которые ее явно не заинтересовали, – а в тоненький такой блокнотик с красной обложкой.

– Мы все заказы записываем только в этот журнал, – твердо ответила Сабина.

– Неужели?

– Других мест для записи у нас нет.

– Пригласите хозяйку.

– Она будет только после обеда.

– Тогда я и зайду после обеда.

Дама развернулась и, шурша юбками, гордо выплыла из лавки. Сабина захлопнула журнал и бросила его на стойку.

– Вот гадина!

Честно говоря, эта высокомерная покупательница мне тоже не понравилась, но поведение Сабины было странным.

– Ты же говорила – о покупателях как о покойниках. Либо хорошо, либо никак, – напомнила я.

– Да я про ту, на чье место ты пришла, – почти прошипела Сабина. – Ты что, не поняла, она себе заказы отбивала! Этой просто не успела отдать, а то бы мы и не узнали никогда.

– Но ведь делает инора Эберхардт, – недоуменно сказала я.

– Да, хозяйка делает, а мы помогаем. Марта чаще помогала, у нее Дар. Видно, запомнила, что и как надо делать. Сначала вот так подрабатывала, даже тетрадку завела, гадина, для заказов, а потом вообще слиняла вместе с рецептами!

Похоже, больше всего Сабину возмутило не то, что загадочная рыжая Марта слиняла, а то, что сделала она это, не поделившись с ней добытым. Следующие слова только подтвердили мои мысли.

– От списка ингредиентов толку никакого нет, если не знаешь, как это все активировать. Я хоть десять раз повторю все действия иноры Эберхардт – результата не будет, нужна магическая составляющая, а я ее не вижу, хоть

плачь. Мы уже и так, и так пробовали…

Тут она поперхнулась и испуганно на меня посмотрела, видимо, решив, что сболтнула лишнего. Но я сделала вид, что не поняла, что они с Петером пытались повторить рецепт иноры Эберхардт. Безуспешно пытались. Возможно, и не один. Вот она – основная причина того, что Сабина задержалась на этой работе после замужества.

– А как Марта объяснила свой уход с этого места?

– Никак, – неохотно сказала Сабина. – Просто однажды взяла и не вышла на работу. Инора, у которой она снимала комнату, сообщила, что та забрала свои вещи и уехала.

– И что потом?

– Ничего. Кому она интересна, эта Марта? Уехала и уехала. Никто же не знал, что у нее такие подработки были, в красном блокнотике…

Это она сразу и высказала иноре Эберхардт, когда та спустилась в торговый зал. Клиенток как раз не было, поэтому Сабина не стеснялась в выражениях, говоря о продавщице, которая обкрадывала свою благодетельницу. Она прямо-таки пылала праведным гневом.

– Так и сказала «записывала в блокнот с красной обложкой»? – недоверчиво переспросила инора.

– Да, так и сказала, представляете? – возбужденно повторила Сабина. – Штеффи может подтвердить, она все слышала. Мы с ней потом обсуждали, как это можно, настолько пренебречь вашим доверием…

– Не верится мне, что Марта была на такое способна, – покачала головой наша хозяйка. – Да и не получилось бы у нее так, как у меня, а значит, пришли бы клиентки с претензиями, и все бы выплыло намного раньше.

– Но та инора говорила очень убежденно, – настаивала Сабина. – И выглядит она как особа, в деньгах не стесненная.

– Хорошо, – инора Эберхардт на мгновение прикрыла глаза, как бы собираясь с мыслями, – когда эта покупательница придет вновь, вызови меня, в какое время бы она ни появилась. Штефани, тебя это тоже касается. Кстати, артефакты срочного вызова тебе показали?

– Нет, инора Эберхардт, – ответила я.

– Вот это нажимаешь, когда здесь, внизу, нужна я. А это – для немедленного вызова городской стражи.

– Стражи? – переспросила я.

– А что тебя так удивляет? – улыбнулась инора Эберхардт. – Деньги здесь проходят немалые, в Банк их сдаем не каждый день, так что всякое бывает.

Я посмотрела на Сабину. Легкая, ни к чему не обязывающая работа? О попытках ограблений она даже не заикалась. Но Сабина была сама невозмутимость.

– Штефани, это бывает очень редко, – улыбнулась мне инора Эберхардт, правильно поняв мою озабоченность. – И никогда – с серьезными последствиями.

Она просмотрела наши записи, сделанные за этот день, и довольно покивала в такт своим мыслям. Еще бы – каждая из покупательниц оставила здесь больше, чем мне в приюте выдали на первый месяц. Я бы тоже порадовалась, если бы на меня сыпался постоянный золотой дождь, пусть даже при этом и приходилось работать по ночам «как проклятой», по выражению Сабины. Правда, я совсем ничего не знала о расходах своей нанимательницы, они тоже могли быть весьма значительными. Не зря же Сабина говорила, что какие-то ингредиенты они заказывают специально, и что там привозят, она не знала. Может, доходы иноры Эберхардт не столь велики, как кажется на первый взгляд? Вдруг ее помощь дамам, жаждущим вернуть молодость, почти бескорыстна? Я посмотрела на нанимательницу и сразу в этом засомневалась. Украшений было хоть и немного, но даже неискушенной мне понятно, что они очень дорогие. Крупные бриллианты в серьгах никак не могли быть подделкой. Один из пальцев украшал массивный перстень с очень большим и необычным темно-красным камнем, казалось, что цвет внутри непостоянен, а как бы перекатывается от ярко-красного до почти черного. Мне даже представить страшно, сколько могло стоить такое украшение. Но у Сабины я об этом спросила, когда инора

Эберхардт наконец отправила нас на обед.

– Дорогущее, – подтвердила Сабина, – стоит, поди, как все содержимое магазинчика.

– А она не боится его носить? Вдруг потеряет, или украдут…

– Она его никогда не снимает. Даже когда лично крем делает. Все украшения снимает, а этот перстень – нет. Мне кажется, – она драматически понизила голос, – она его как-то использует в работе. Но сама инора Эберхардт утверждает, что носит его в память о покойной сестре и просто снять не может, даже повернуть. Говорит, вросло.

Сидели мы в маленьком кафе не совсем на центральной улице, но довольно близко к ней, и цены там были такие, что, лишь взглянув на них, я сразу поняла, что совсем не голодна. Но Сабина настаивала, пришлось взять маленькую булочку и стакан чаю. Вопрос с обедом нужно было как-то продумывать, на такие заведения у меня нет денег. Я вспомнила, сколько всего мне еще нужно купить в ближайшее время, и пришла к выводу – денег у меня нет ни на что. Но ведь остальные девушки, покидавшие приют, как-то устраивались? Я задавила зарождавшуюся панику и откусила маленький кусочек принесенной сдобы. Была она еще горячей и очень вкусной. Сабина торопливо разделывалась с заказанным супом и что-то пыталась мне рассказывать из жизни продавщиц косметики. Получалось не очень – говорить с полным ртом дано не всем, этой магией Сабина не владела так же, как и обычной. Одно было понятно – долго рассиживаться нам здесь нельзя.

Инору Эберхардт мы застали за изучением журнала заказов, она делала из него какие-то выписки на лежащий рядом листок бумаги и тут же что-то подсчитывала. Колонка цифр уже была значительной, но все росла и росла.

– Подсчитываете, сколько Марта могла у вас украсть? – подобострастно спросила Сабина.

– Разве что пару заказов, – задумчиво ответила хозяйка. – Если то, что сказала та инора, – правда. В этом случае я больше боюсь ущерба своей репутации, чем кошельку. Боюсь, что Марта не могла получить желаемый результат, она просто не знала, что для этого нужно.

– Но та инора уверенно говорила про красную обложку и про то, что заказ так и не получила, – заметила Сабина. – Возможно, инора Эберхардт, это была первая попытка? Клиентка не из постоянных, я бы ее запомнила. Не каждый день к нам приходят иноры в эльфийских шелках.

Надо же, эльфийский шелк! Никогда бы не подумала, что та неяркая тряпочка носит столь гордое имя. Правда, при всей кажущейся неяркости выглядело платье так, что невольно привлекало к себе внимание – прекрасный силуэт и еле уловимые переливы цвета подчеркивали благородство ткани. Еще меня удивило, что Сабина в разговоре с хозяйкой упорно называет ту даму инорой, хотя столь богатая одежда предполагала и знатное происхождение.

– Нужно будет с ней поговорить. Жаль, что вы меня тогда не позвали.

– Как только она подойдет, мы тут же вас вызовем, инора Эберхардт.

Хозяйка в этот раз уходить не торопилась. Она пробыла в зале до закрытия, но загадочная клиентка с невыполненным заказом так и не появилась, хотя мы ждали ее с огромным нетерпением. Не подошел и Рудольф, которого я совсем не ждала и даже не вспоминала о нем. Значит, ему просто захотелось отыграться за вчерашнее неудавшееся знакомство, ведь пока он был в магазинчике, сполна насладился моей беспомощностью, и я потеряла для него всякий интерес. Наверное, купи он крем для своей матери, мне не было бы столь обидно – слишком много на него ушло времени. Нет, если бы он все же пришел, я бы с ним никуда не пошла, но высказать все, что накопилось, – очень хотелось. При выходе я немного замешкалась и украдкой огляделась – вдруг опять караулит около черного хода?

– Пойдем, – подтолкнула меня Сабина в спину, – мне тебе еще постельное белье нужно дать.

– Да не нужно, – запротестовала я, внезапно вспомнив, что там Петер.

Петер, который вчера приходил в теперь уже мою квартиру в поисках жены, но нашел там лишь меня, а вот я что-то потеряла. И боюсь, это что-то не найдется при новой встрече с ним.

– Нужно-нужно, – довольно жестко сказала Сабина, подхватила меня под локоть и быстро пошла вперед.

Наверное, я никогда не научусь так ходить на каблуках, как она. Казалось, Сабина на них не просто шла – летела, почти не касаясь земли. Впрочем, если бы меня дома ждал любящий муж, я бы тоже поторопилась. А Сабину ждали. Петер поздоровался радушно, но так, что Сабина даже не заподозрила, что мы раньше с ним встречались. Но все равно отправила его под явно надуманным предлогом подальше, что меня не очень-то и расстроило. Вручила она мне не только постельное белье, но и немного посуды, отказа не приняла, на благодарность благосклонно улыбнулась и не мешкая выставила из своего семейного гнезда. Я там и рассмотреть толком ничего не успела, настолько быстро все произошло. Я шла домой, прижимая к себе Сабинины дары, и недоумевала, почему вчера Петер произвел на меня такое убийственное впечатление. Сегодня он совсем не казался вышедшим из моих грез. Да, его замечательная улыбка осталась при нем, но в остальном – он совсем не был похож на того, кого я себе намечтала. У него даже нос немного кривой. Нет, мне такого не нужно. Я тихонько вздохнула. На самом деле, не так уж он и плох, и самое ужасное в его внешности – это то, что он чужой муж.

Глава 8

За ручку двери черного хода я бралась с внутренним трепетом. А ну как не признает местная магия во мне права на проникновение внутрь и останусь я перед закрытой дверью? Что я тогда буду говорить иноре Эберхардт? Та сиреневая дымка, что выглядела легкой и невесомой на руке Сабины, оказалась вязко-неприятной и давящей. И цвет ее уже не казался нежно-сиреневым, теперь он был неприятно грязно-лиловым. Выглядело это устрашающе. Я успела пожалеть, что не спросила вчера, что бывает с теми, кто пытается проникнуть внутрь, не имея никакого права, как вдруг дымка растаяла без следа и дверь приглашающе распахнулась. Я зачем-то потерла руку, хотя на ней никаких следов не осталось и все неприятные ощущения пропали, а затем неуверенно шагнула внутрь.

Внутри со вчерашнего дня ничего не изменилось. В торговом зале, куда я прошла сразу после того, как переоделась, царили тишина и загадочный

полумрак, сквозь щели в жалюзи просачивались лишь тонюсенькие лучики света, в них даже пылинки не танцевали – старинный артефакт отрабатывал свои обязанности безукоризненно. Камешки на баночках и флаконах поблескивали. Или не камешки, а обычное стекло? Для меня особой разницы нет. Не думаю, что когда-нибудь буду в этом разбираться. Да и к чему мне? Дорогих украшений не было и не будет, а смотреть на чужие уши и подсчитывать, на какую сумму там висят серьги, интересно только Сабине. Я еще немного постояла, наслаждаясь тишиной, пустотой и нежными ароматами, которыми отличались все изделия иноры Эберхардт. Даже ее духи, казалось, лишь подчеркивают индивидуальность, не привнося ничего своего. Не было в них резкого, бьющего в нос запаха, иной раз шедшего от работниц ткацкой фабрики, которые собирались на свидание после смены и щедро поливали себя пахучими жидкостями. Пожалуй, обилие тяжелых, неприятных запахов больше всего мне там не нравилось. И еще – вечная пыль в воздухе, которая забивалась везде, где только можно. Там хозяева и не подумали раскошелиться на артефакт против пыли, это было не столь и дорого, зато болели бы работницы реже. Инора Эберхардт тоже заботилась совсем не о здоровье своих продавщиц, а исключительно о внешнем виде собственного товара. Нельзя сказать, что она совсем о нас не думала. Жалованье было положено очень и очень приличное, вознаграждения за продажи шли, а про доплату за зарядку артефактов она сказала, не дожидаясь вопросов со стороны моей или Сабины. Сама инора Эберхардт гнушалась таким делом, ей казалось это недостойно магички ее квалификации, и тратить свой Дар на подобное считала ниже собственного достоинства. Хотя другие маги так подрабатывали. Вон Сабина очень высокого мнения о способностях своего мужа, а Петер не видит ничего страшного в том, чтобы получать за это деньги. Жаль, что моего Дара, как утверждали монахини, не хватит ни на что приличное, а значит, мне надо радоваться, что хоть такое применение ему нашли.

Размышлять на эту тему можно до бесконечности, но пора было открывать магазин. Мне предстояло отработать полдня безо всякой помощи со стороны. Разве что придет та дама, что хотела заказать крем лично у хозяйки заведения, тогда я вызову инору Эберхардт, а во всех остальных случаях буду справляться самостоятельно. Больше всего я боялась, что опять появится Рудольф со своей насмешливой улыбочкой и попросит прочитать ему очередную лекцию, в то время как мое внимание будет необходимо настоящим покупателям. Но шло время, редкие в утреннее время дамы уходили со столь необходимыми им для собственной внешности покупками, я тщательно записывала каждую баночку и каждый флакончик, боясь проштрафиться в первый же день, даже пересчитывала по нескольку раз итоговые суммы, хотя в приюте с математикой

у меня проблем не было никогда и уж своим расчетам я всегда доверяла. Но сегодня ответственность была особой. Так что я говорила, считала и улыбалась, улыбалась…

Когда инора Эберхардт спустилась вниз, мне уже казалось, что улыбка намертво приклеилась к лицу и никогда не отдерется. Нанимательница просмотрела мои записи, осталась довольна, отметила хороший почерк и отправила на обед.

– Штефани, только поешь нормально, – предупредила она, ласково улыбаясь. – До выплаты первого жалованья я буду давать тебе деньги по итогам каждого дня, так что не старайся себя ограничивать. Мне не нужно, чтобы продавщицы выглядели как мечта некроманта или, не дай Богиня, бурчали животами во время работы. Я плачу достаточно.

Посмотрела она при последних словах очень строго. Неужели Сабина рассказала, что я не захотела ничего заказывать в том кафе из-за дороговизны? Животом я не бурчала, да и позавтракала довольно плотно, но позволить себе питаться в таких местах со своим длинным списком жизненно необходимых вещей не могла.

– Инора Эберхардт… – начала было я.

– Нет, – твердо ответила она, даже не дослушав. – Ни готовить, ни есть здесь я не разрешаю. Только чай, самый простой, безо всяких добавок. Мне не нужны в торговом зале посторонние запахи. Повторяю, я плачу достаточно, чтобы ты нормально питалась. И в приличном месте, – с явным намеком в голосе сказала она.

Значит, всякие мелкие закусочные, где цены не столь высоки, мне тоже не подходят. А то вдруг меня там заметит кто-нибудь из клиенток иноры Эберхардт и решит, что дела у моей хозяйки не столь хороши, раз ее продавщицам приходится экономить на самом необходимом. А значит, не столь хороша и сама продукция…

– Да, инора Эберхардт, – ответила я.

Как она вообще догадалась о том, что я хочу ее попросить? Скорее всего, я была далеко не первой, наверняка и Сабина в начале работы здесь изыскивала

возможность получать как можно больше при минимальных затратах. А как питается сама инора Эберхардт? При мне она ни разу не выходила из дома, и ей не приносили никакой заказанной еды, но выглядит она упитанной и довольной жизнью, значит, ест хорошо и регулярно. Готовит себе сама? Тогда у нее должен стоять артефакт, поглощающий запахи, иначе об этом знала бы не только я, но и все покупательницы. А иноре Эберхардт нужно, чтобы в торговом зале пахло только ее продукцией. «Это запах роскоши», – сказала как-то мне Сабина, наверное, она права, тогда к нему точно не должны примешиваться всякие ароматы жареного мяса и тушеной капусты…

Кафе, где мы вчера с Сабиной ели, я нашла без особого труда и даже заказала себе обед, почти не пугаясь указанных там цен. Если инора Эберхардт сдержит свое слово и будет мне доплачивать, как сказала, то можно не особо переживать по поводу ее требования тратить деньги только в таких местах. Порции здесь были большие, а еда несравненно вкусней того, к чему я привыкла в приюте. Я наслаждалась каждым кусочком, поэтому после обеда жизнь показалась мне просто изумительной. С такими доплатами я смогу что-нибудь вкусное купить Регине даже на этой неделе, перед тем как соберусь ее навестить. Пусть подруга порадуется.

Когда я вернулась в магазинчик, инора Эберхардт как раз беседовала с дамой, что вчера нажаловалась на пропавшую Марту. Клиентка обвиняющим тоном что-то выговаривала и жестикулировала руками с такой силой, что я сразу поняла, почему вчера Сабина, говоря о ней, сказала «инора», а не «леди». Платье эльфийского шелка – это только платье. Для того чтобы выглядеть аристократкой, к нему должны прилагаться соответствующие манеры. Может, оно у этой покупательницы вообще одно, ведь пришла она в той же одежде, что и вчера. Впрочем, если все время покупать здесь косметику, ничего удивительного, если вскорости только одна смена одежды и останется.

– Не думаю, что вам следует переживать по этому поводу. – Голос иноры Эберхардт был просто медовым, значит, заказ оказался не просто дорогим, а очень дорогим. – Один крем я вам сделаю сегодня же, для другого у меня не все есть, но необходимое должны доставить завтра, самое позднее – послезавтра. Так что все будет готово в кратчайшие сроки.

– Так же как и прошлый заказ?

Голос покупательницы был неприятно-высокомерным, хотя она разговаривала не с обычной продавщицей, а с хозяйкой магазина. Но меня это уже не удивляло. Как я успела заметить, чем больше денег оставляла клиентка в этом магазине, тем с большим пренебрежением относилась к здесь работающим. Вот инора Эберхардт ничуть не беднее ее, а обращается с нами предупредительно и заботливо. Наверное, потому, что у этой неприятной дамы в эльфийском шелке все силы уходили на борьбу с возрастом и на вежливость ничего не оставалось.

– К моему глубочайшему сожалению, в прошлый раз произошло какое-то недоразумение, – не убирая улыбки с лица, сказала инора Эберхардт. – Раньше в моем магазине такого не случалось. Подобные заказы я никогда не выполняю без предоплаты. Вы же не будете утверждать, что Марта взяла у вас деньги? Предупреждаю сразу, без ее расписки я не поверю. Она была девушкой честной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bronislava-vonsovich/plata-za-odinochestvo-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить